

М. Б. СЛУЦКИЙ

В СКОРБНЫЕ ДНИ

КИШИНЁВСКИЙ ПОГРОМ
1903 года

Моисей Слущкий

**В скорбные дни. Кишинёвский
погром 1903 года**

«Нестор-История»

2019

УДК 94
ББК 63.3(2)

Слуцкий М. Б.

В скорбные дни. Кишинёвский погром 1903 года /
М. Б. Слуцкий — «Нестор-История», 2019

ISBN 978-5-4469-1551-4

В мировой историографии справедливо утвердилось мнение, что Кишинёвский погром 1903 года стал «предвестником Холокоста». Доктор Моисей Борисович Слуцкий (1851-1934), «рядовой интеллигент», как он сам себя характеризует, автор единственных известных воспоминаний очевидца о Кишинёвском погроме. Особую значимость его воспоминаниям придаёт тот факт, что Слуцкий был главным врачом кишинёвской Еврейской больницы, куда в ходе погрома свозили раненых и убитых. Мемуары важны не только как точный перечень фактов насилия, в них содержатся и важные антропологические обобщения: автор показывает, как легко при определённых условиях происходит расчеловечивание, и люди начинают грабить, насиловать и убивать своих некогда добрых знакомых и соседей. Книга была издана в Кишинёве в 1930 году, никогда не переиздавалась и была известна только узкому кругу специалистов. Настоящее научное издание подготовлено профессиональными историками из Молдавии и России и адресовано широкой аудитории.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4469-1551-4

© Слуцкий М. Б., 2019
© Нестор-История, 2019

Содержание

Предисловие редактора	7
Доктор М. Б. Слуцкий	25
Предисловие	26
Глава 1	28
Глава 2	29
Глава 3	31
Глава 4	32
Глава 5	34
Глава 6	36
Глава 7	37
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	45
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

М. Б. Слуцкий
В скорбные дни. Кишинёвский
погром 1903 года

Моисей Борисович Слуцкий
(1851-1934)

Предисловие редактора

Кишинёвский погром 6–7 апреля 1903 г. стал кровавой зарёй XX в. для всей Европы. Впервые старый мир увидел, что может его ждать. Не только история Бессарабии и России, но и первые шаги тоталитарного национализма, и истоки катастрофы европейских евреев, и кризис гуманизма в духе XIX в. – вот какие (и многие другие) темы пересекаются в этом событии. Шок был тем сильнее, что до этого Бессарабия считалась оазисом тишины и спокойствия. Многим казалось: если где и может случиться что-либо подобное, то только не здесь. Не в Кишинёве, который именно тогда – усилиями легендарного городского головы Карла Шмидта и собранной им команды – уже превратился чуть ли не в образцовый для Юго-Восточной Европы город. Впервые Европа смутно ощутила то, о чём позже, в 1936 г., сказал с трибуны Лиги наций Хайле Селассие I, император Эфиопии – страны, ставшей тогда очередной жертвой фашизма: «То, что происходит у нас сегодня, произойдёт у вас завтра».

Не удивительно, что событиям 1903 г. Даже беглый её обзор увёл бы нас далеко от темы. Только в Кишинёве за последние годы были выпущены три сборника документов и материалов конференций (Кишинёвский погром... 1993; 2000; 2004), мемориальная хроника (Шойхет 2004), русский перевод классической монографии Э. Джаджа (Edward H. Judge) “Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom” (Джадж 1998). Но свидетелем № 1 по делу о Кишинёвском погроме до сих пор остаётся М. Б. Слуцкий, на плечи которого в те дни легла миссия помощи жертвам.

* * *

Доктор Моисей Борисович Слуцкий (1851–1934) – коренной кишинёвец, что для XIX в. означало – кишинёвец в первом поколении. Приехал он в Кишинёв из Киевской губернии уже гимназистом и связал с этим городом свою судьбу на всю жизнь. Почти полвека он отдал Еврейской больнице – самой старой и самой большой в тогдашнем городе. Не будем подробно пересказывать его биографию: она восстанавливается в основном как раз по тем воспоминаниям, которые читатель держит сейчас в руках. Выделим лишь ключевые моменты и прокомментируем их.

Моисей Борисович Слуцкий родился 1 января 1851 г. в местечке Васильково (ныне город Васильков) Киевской губернии. Рано потеряв отца, он воспитывался у деда-коммерсанта в Бердичеве, родственника знаменитых в то время раввинов. Дед, Леон Эфрусси, занимался коммерцией ни шатко ни валко, предпочитая ей диспуты на духовные темы. Это было очень характерно для тогдашних евреев, у которых, с тех пор как римляне разрушили в 70 г. н. э. Иерусалим и его храм, духовенство осталось единственной аристократией, а его образ жизни и мысли – единственным авторитетом. Но не менее было это характерно для всей Юго-Восточной Европы. Стефан Цвейг, выходец из гораздо более благополучной среды – евреев Австро-Венгрии, уже пользовавшихся равноправием, – в своих предсмертных воспоминаниях писал:

«Каждая состоятельная семья, хотя бы из соображений престижа, настойчиво стремилась к тому, чтобы дать сыновьям “образование”: их заставляли учить французский и английский, знакомили с музыкой, для них приглашали сначала гувернанток, а затем домашних учителей. Но лишь так называемое “классическое” образование, открывавшее дорогу в университет, принималось всерьёз в те времена “просвещённого” либерализма: репутация каждой “приличной” семьи требовала, чтобы хоть один из сыновей именовался доктором каких-нибудь наук» (Цвейг 1991: 62).

И дальше Цвейг описывает систему этого образования: всё время отдано гуманитарным наукам и искусствам, на физическое развитие его уже не остаётся, не говоря уже о развлечениях. Именно такое воспитание имело в виду ещё полвека назад, когда ребёнка называли «*a idişi kind*» – «еврейское дитя». Что же касается престижа учёной степени, то и сегодня еврейские кладбища в Молдове полны надгробий с надписью: «Доктор такой-то».

В России, где евреи всё ещё были скованы средневековыми ограничениями, дело было сложнее: единственным образованием, не требовавшим компромиссов с властями, было религиозное. С горькой иронией описал плоды такого образования Шолом-Алейхем в рассказе «Родительские радости»:

«Один зять у меня родом из настоящей знати, чудо, золотой человек, а способности какие – все достоинства ! К тому же большой знаток талмуда – всегда сидит за священной книгой. Я содержу его с самой свадьбы, потому что, если бы вы его знали, сами сказали бы, что такого грех выпустить из дому – что с ним станется?»

Так или иначе, юного Моисея отдали в хедер – религиозное училище. Но у мальчика явно не было склонности к схоластике, да и учитель попался злобный. Когда выяснилось, что он бьёт ученика, дед забрал его из хедера и отдал в казённое еврейское училище. Скандал был велик: в условиях «черты оседлости», где людей чётко делили по религиозному принципу, обучение в школе под контролем властей было первым шагом к ассимиляции – а это в условиях гетто считалось практически изменой. В. Жаботинский не раз упоминал тогдашнюю поговорку: «дед ассимилятор, отец крещён, сын антисемит». Но в 1862 г. Л. Эфрусси умер, и мать вместе с сыном уехала в Бельцы, к замужней дочери.

В Бессарабии обстановка была другая. Эта область (с 1873 г. – губерния) тоже входила в «черту оседлости», а значит, евреи жили здесь легально. Но в Причерноморье, вошедшем в состав России лишь между 1774 и 1812 гг., перед властями стояла задача: быстро создать многочисленное и лояльное к империи население. Иначе этот край легко мог быть потерян. И российские власти использовали рецепт, уже применённый в Австрии Марией Терезией: привлечь любых переселенцев, обладающих какими-либо навыками и (или) капиталами, гарантировав им гражданские права и веротерпимость. Сверх того, Бессарабии отводилась ещё и особая роль: её пример должен был показывать народам Балкан, насколько российское правление лучше османского. Поэтому власти предоставляли Бессарабии особые льготы, а евреям здесь жилось лучше, чем в бывших польских губерниях, включая Киевскую.

В 1897 г. по первой и последней в Российской империи всеобщей переписи населения евреи Бессарабии составляли 228,5 тысяч человек – то есть 11,8 % жителей губернии (Тройницкий 1905: 68). В городах (без местечек) их доля была ещё больше: 109,7 тысяч, или 37,4 %. В Кишинёве евреев было свыше 46 % жителей, а в Оргееве, Бельцах, местечке Тузора (ныне город Калараш) – около двух третей. В крае, где местное молдавское население оставалось в основном земледельческим, а русское – представлено в основном чиновниками, верхушкой купечества и крестьянами-переселенцами¹, именно евреи составляли основную долю городской мелкой буржуазии (мещанства, как официально назывался этот слой в тогдашней России). Поэтому из них выходила и большая часть лиц умственного труда: врачей, адвокатов, журналистов, нередко и технических специалистов. Именно эти люди в основном и определяли облик старого Кишинёва именно как города – города со своим особым лицом, а не просто «большой деревни» с администрацией и гарнизоном. С их уходом ушёл и старый Кишинёв.

¹ Разумеется, это справедливо лишь в самых общих чертах, к тому же население края не ограничивалось только этими тремя группами. См. подробнее, например: (Зеленчук 1979; Абакумова-Забунова 2006; Брик 2017).

Схожую картину описывает и Стефан Цвейг, вспоминая об утраченной им имперской Вене. Вообще в тогдашней Бессарабии сложилась социальная структура, более характерная для австрийской, чем для русской провинции. Достаточно напомнить, что

«значительная часть деятелей XVII и XVIII вв., принявших участие в формировании и развитии австрийской нации и ставших известными как австрийские патриоты, не были австрийцами по происхождению» (Пристер 1952: 170).

Но и в Бессарабии 1812–1917 гг., пожалуй, три четверти её выдающихся деятелей – в политике, экономике, культуре – были бессарабцами в первом, максимум во втором поколении. Их родной дом был далеко, но именно в Кишинёве они начинали чувствовать себя дома. То, что такая структура общества чревата национальными конфликтами, выяснилось позже.

Такова была среда, в которую попал молодой Слуцкий. Он поступил в 1-ю Кишинёвскую гимназию, в то время единственную в крае и одну из лучших во всей тогдашней Южной России. Руководил ею в те годы Кирилл Петрович Яновский – педагог-новатор, как сказали бы о нём в советское время. Его высоко ценил и поддерживал попечитель Одесского учебного округа, в который входила Бессарабия, – великий русский хирург Н. И. Пирогов. Об авторитете гимназии говорит, например, такой факт: С. Ю. Витте, впоследствии граф и первый премьер-министр России, вспоминал, как он перебрался в Кишинёв из одесской Ришельевской гимназии, чтобы получить настоящие знания, а не просто «корочки» (Витте 1923:

55). Атмосфера дружбы между учителями и учениками, созданная ещё при директоре И. А. Нелидове в 1840-х гг., была по тем временам уникальной (Тарнакин, Матей 2014: 76). Что же касается заслуг самого Яновского, то в 1871 г. он был отозван из Кишинёва на пост товарища попечителя столичного учебного округа, позже был попечителем на Кавказе. А в 1901 г., после убийства Боголепова, Яновскому предлагали даже портфель министра просвещения, но старик не взялся управлять министерством на фоне разгоравшихся студенческих волнений.

С 1864 г. в гимназию стали принимать и детей евреев (Тарнакин, Матей 2014: 89), причём антисемитизма не только не было, но ученики-евреи «составляли в гимназии как бы привилегированную группу» (как замечает сам Слуцкий в восьмой главе воспоминаний). В этот период и повезло учиться в 1-й гимназии Моисею Борисовичу. После выпуска (1869) он окончил в 1875 г. медицинский факультет Харьковского университета, а через два года поступил сверхштатным младшим врачом в Кишинёвскую еврейскую больницу. С нею-то и были связаны все 57 лет его дальнейшей жизни.

Никто не знает, когда именно была основана эта больница – самая старая во всей Бессарабии. Большинство исследователей всё же считают, что основал её между 1810 и 1820 г. знаменитый раввин Хаим Тирер из Черновиц. Это тот самый Тирер, который построил и кишинёвскую Большую синагогу на Азиатской (ныне Римской улице, не сохранилась). Средства для больницы дал кишинёвский почётный гражданин Илья Выводцов, много лет возглавлявший и больничный комитет. Напомним, что «почётный гражданин» в России со времён Екатерины II – это купец, за деньги получивший все дворянские права, кроме лишь титула дворянина.

Первые полвека положение в больнице было тяжёлым. Лишь в 1846 г. она получила официальный статус, а с ним – и право на финансовую поддержку от казны. Но в основном больница существовала на средства, взимаемые с представителей еврейской общины, – так называемые «коробочные сборы». Хотя здесь лечились самые малоимущие кишинёвцы без разбора национальности. При этом не хватало ни помещений, ни персонала. Поэтому амбулаторных больных принимали в приюте при больнице, а срочные операции проводились прямо в палате. На одну койку приходилось укладывать двоих больных.

Сразу же приходит на ум советский рецепт решения всех проблем: вот была бы эта больница государственной – не была бы она в таком ужасном состоянии! Так вот, государствен-

ной больницы в Кишинёве тогда не было. Была городская (муниципальная) больница, с 1870 г. ставшая земской. А во время Крымской войны здесь разместился военный госпиталь. И лечиться в нём было страшно.

Чего стоит лишь один случай: только за сентябрь 1854 г., во время Крымской войны, в кишинёвском военном госпитале умер 431 солдат. Месяц спустя в битве при Балаклаве потери русских войск были меньше. А ведь на Дунае последнее сражение было 25 июня (при Джурджу), после чего русские войска были вообще отведены с фронта!

Командующий Дунайской армией М. Д. Горчаков, случайно оказавшийся в Кишинёве в это время, назначил расследование. 4 октября 1854 г. генерал С. А. Хрулёв представил рапорт.

«Оказалось, что пища и скудная, и неудобоваримая; борща больные не едят, ибо от него происходят всегда рези в животе и тяжкие боли. На мясо отпускается столько денег, что мог бы быть куплен самый лучший сорт, а покупают самый худший и т. п. Мрут не только больные, но и служители госпиталя: за короткое время умерло из них *двадцать пять человек*, потому что при тяжелой своей службе они голодают: на них отпускается 3½ фунта мяса в месяц (...) Больные помещались “в подвальном этаже, где очень сыро и в окнах нет ни форточек, ни вентиляторов”. А в тех редких случаях, когда вентиляторы имеются, они никуда не годятся, потому что не очищают воздуха (показание д-ра Быкова генералу Хрулёву). Белье грязное, лекарства либо не выдаются там, где они нужны (например, хинин), либо выдаются, но там, где они не нужны и даже вредны» (Тарле 1941: 50; выделено в оригинале).

Сам генерал С. А. Хрулёв, проводивший это следствие, будущий герой Севастопольской обороны, – через год он будет тяжело ранен при попытке отбить у французов Малахов курган, – даже не был удивлён результатами: то же творилось везде. И это даже в армии, о которой царизм всегда заботился особо! Немудрено, что солдаты, не боявшиеся вражеских пуль и штыков, боялись таких госпиталей.

Что же до гражданских больниц, то и до них доходили гроши. Кроме того, отечественных врачей было очень мало – и дело было вовсе не в «немецком засилье», а в неразумной системе образования. Пётр I начал строить эту систему «с крыши» – прямо с Академии наук и нескольких столичных школ. Лишь при Екатерине II появилось хотя бы по одной школе в каждом уезде. Иными словами, такая система не готовила школьников к получению высшего образования, и нужных специалистов (в том числе врачей) приходилось приглашать из-за рубежа. Многие из этих специалистов – немцев и швейцарцев, – включая Л. Эйлера, пытались сделать всё, что было в их силах, чтобы Россия смогла избавиться от системы «импорта мозгов», но их возможности были невелики. Лишь в 1803 г. стараниями неперменного секретаря Академии наук Николауса Фусса была создана стройная система образования (Мументалер 2009: 147–151), лишь тогда появились русские врачи вроде знаменитого М. Я. Мудрова. Но и за полвека эта система принесла мало плодов. Слишком уж настойчиво повторял Николай I: «Мне нужны не умники, а верноподданные» (Тарле 1941: 66), слишком успешны были попытки «фельдфебеля в Вольтеры дать». Казалось ли Грибоедову, что это преувеличенно, а потому и смешно? Но тот же Николай I сделал малограмотного генерала Назимова попечителем Московского учебного округа, а квартального надзирателя – профессором философии в Харьковском университете (Тарле 1941: 157). Поэтому Гоголь даже ничего не утрировал, когда в его «Ревизоре» Артемий Филиппович говорит:

«...чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает».

Лишь в 1860-х гг. это положение начало меняться. Появилась земская медицина, в которую двинулись энтузиасты. Все мы помним тургеневского Базарова и земских врачей у Чехова. А для евреев «черты оседлости» карьера врача была одним из немногих доступных способов вырваться из порядков, мало чем отличавшихся от гетто. Их программой была идеология Хаскалы (еврейского варианта Просвещения), сложившаяся в Германии и Австрии ещё в XVIII в.: гражданское равноправие и лояльность к стране проживания, но без отказа от собственного этнического лица. Частью этого лица была для них и религия, поэтому деятели Хаскалы относились к иудаизму так же, как умеренные просветители – к христианству: без ханжества, но и без иконоборческого фанатизма.

Одним из этих земских энтузиастов и был Моисей Борисович Слуцкий. В 1877 г. он пришёл в Кишинёвскую еврейскую больницу младшим врачом. В 1889 г. он был избран старшим врачом, а в 1899 г. – главным врачом. С этого момента он возглавлял больницу до самой смерти (1934).

Под его руководством больница пережила свой золотой век. Стараниями доктора Слуцкого она приобрела нынешний вид. В 1892 г. архитектор Цалиль Гингер построил главный корпус. В 1897–1898 гг. было открыто три новых корпуса – приюты для престарелых и инфекционное отделение, – и Еврейская больница стала крупнейшей в городе. Была открыта школа для подготовки медицинских сестёр. В 1889–1890 гг. было построено здание для администрации, аптеки и лабораторий, а в 1887–1901 гг. – хирургический корпус. Последнее здание – клуб – было закончено в 1906 г. В итоге на площади в полтора гектара разместился целый десяток корпусов. Здания строили разные архитекторы, поэтому каждое из них своеобразно. Но в основном преобладает стиль эклектики с элементами неоклассицизма и модерна, господствовавший в тогдашнем Кишинёве (Centrul istoric... 2010: 207–208). Уже в 1920 г. Моисей Борисович выделил одно из помещений больницы под приют для девочек-сирот, созданный дамским комитетом во главе с Е. А. Бабич (Копанский 2010: 148).

Авторитет Моисея Борисовича в Кишинёве был огромен. Не раз он избирался гласным (депутатом) городской думы. К тому же старая Бессарабия была почти исключительно аграрным краем, поэтому очень уж больших денег здесь не было ни у казны, ни у общественных организаций. И до, и после 1918 г. больница нередко оказывалась на грани банкротства, и доктору Слуцкому не раз приходилось просить о спонсорской помощи. И ни разу он не встретил отказа – до того его уважали, так доверяли его честному слову.

Между тем наступил XX в. с его грозными проблемами. В Бессарабии тоже начались перемены. До этого губерния могла показаться патриархальным Эдемом:

«Раабен как нельзя более подходил к общему характеру края, в котором среди богатой природы царствовала лень и беззаботность. Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население, легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее к представителям власти общество; мало труда и характера, много добродушного хлебосольства и некоторая распущенность нравов – такова в общих чертах Бессарабия, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку» (Урусов 2004: 34).

Теперь же Бессарабия становится «одним из виднейших центров реакции и обскурантизма» во всероссийском масштабе (Берг 1918: 224). Ещё в Первую Думу губерния избрала умеренных земцев (несколько правее кадетов), но с 1907 г. бессарабские думские депутаты были в основном правыми и крайне правыми. Самой сильной партией в это время был Союз русского народа во главе с аккерманским помещиком В. М. Пуришкевичем, имя которого во всей России было нарицательным. Ещё через полвека после его смерти мне доводилось слы-

шать от матери: «Пуришкевичу бы такую болячку!» Однако в правлении губернского отделения этого Союза молдавских фамилий было почти столько же, сколько и русских (Топиро 1913: 196). Виднейший либерал, барон А. Ф. Стюарт в 1906 г. в прошении об отставке с поста председателя губернской земской управы писал:

«В Бессарабии обозначилось узкосословное, хотя и консервативное течение... Почти во всех уездах земцы старого закала, прогрессисты самого умеренного свойства устранены» (Коварская: 62–63).

Угроза революции в России и распада державы, активность Румынии, испорченные отношения с Австро-Венгрией – главным зарубежным рынком для бессарабского сельского хозяйства – всё это заставляло местных помещиков всеми силами поддерживать шатающееся здание российской монархии.

В таких-то условиях пришлось работать М. Б. Слуцкому во второй половине жизни. И он выдержал все испытания, остался тем, кем был: патриотом своего края, не изменившим ни своей национальности, ни убеждениям. В дни погрома 1903 г. он оказался на самом ответственном (как выяснилось уже позже) посту: под его началом Еврейская больница стала центром помощи жертвам, без различия нации. Об этом много говорить не будем: лучше прочтите саму книгу. В 1919–1920 гг. история повторилась: родильное отделение больницы приняло под свой кров жертв петлюровских погромов в Украине.

На посту Моисей Борисович остался до конца своих дней. Он был членом многих общественных комитетов и попечительских обществ. В 1913 г. он был не только главным врачом и председателем правления Еврейской больницы, но и вице-президентом Бессарабского Медицинского общества (Топиро 1913: 195, 226, 227). В России его заслуги были отмечены чином статского советника, орденами Красного Креста, св. Станислава, св. Анны, св. Владимира; в Румынии – орденами Румынской короны, Meritul Sanitar (За заслуги в области здравоохранения) и другими (Тарнакин, Соловьёва 2011: 142). Его друзьями и коллегами были многолетний главный врач Костюженской психиатрической больницы Анатолий Дмитриевич Коцовский, основатель Кишинёвской инфекционной больницы Тома (Фома Феодосьевич) Чорбэ, врач-офтальмолог Юлия Ал. Квятковская и другие. Кстати, даже в биографиях М. Б. Слуцкого и Тома Чорбэ много общего.

Осенью 1917 г. М. Б. Слуцкий стал одним из основателей кишинёвского отделения общероссийской партии «Еврейская народная группа». Эта партия призывала всех евреев, независимо от социального положения, бороться за реальное гражданское равноправие (Копанский 2008: 21). На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. эта группа вместе с сионистами получила в Кишинёве 8.938 голосов, а все остальные партии, вместе взятые, – 7.690 голосов (из 45.342 избирателей). В Оргееве соотношение между голосами было ещё резче – 1270 и 927, а в Фалештах – даже 1100 и 200 (Левит 2000: 47–51, 250). Это было связано не столько даже с национальным составом городов, сколько с долей евреев в демократических и политически активных слоях общества. Ведь явка избирателей на эти выборы в Бессарабии не превышала одной трети, что видно и по цифрам по Кишинёву.

После 1918 г., когда новые румынские власти отменили ограничения для евреев, существовавшие в царской России, М. Б. Слуцкий стал главой кишинёвской еврейской общины – светской национальной организации. Работу в больнице он продолжал без устали, несмотря на возраст и уже дававшее знать о себе нездоровье. Достаточно прочитать заметку из № 147 кишинёвской газеты «Бессарабия» (выходившей на русском языке, директором был Г. Пынтя) за июль 1920 г. Она стоит того, чтобы привести её целиком, в оригинальном виде. Хотя слог заметки тяжеловесен, но каждое слово говорит за себя:

«Письмо в редакцию

М.[илостивый] г.[осударь], г.[осподин] редактор!

В последних номерах вашей уважаемой газеты, в нескольких статьях, в форме и тоне, не соответствующем достоинству лиц, затрагиваемых ими, трактовался факт ассигнования главному врачу еврейской больницы М. Б. Слуцкому пособия в размере 15000 лей на поездку его за границу для восстановления расстроенного здоровья. Очевидно, что злонамеренные лица поспешили в редакцию и неверным освещением этого факта ввели её в заблуждение.

В интересах истины совет Кишинёвской еврейской больницы считает своим долгом представить дело в настоящем свете, почему и просит редакцию дать место в ближайшем номере “Бессарабии” нижеследующему нашему разъяснению.

На заседании от 20 сего июня, без ходатайства о том доктора Слуцкого, не по его инициативе и в его отсутствие, имея в виду, что он верою и правдою прослужил больнице 43 года, в том числе 31 год в качестве заведующего больницей, что для восстановления расстроенного его здоровья необходима поездка на специальный курорт, что такая поездка при нынешних экономических условиях и низком состоянии нашей валюты сопряжена с громадными расходами, при отпадении главного источника его доходов, частной практики, счёл себя не только вправе, но и юридически и морально обязанным прийти ему навстречу и единогласно и единодушно постановил ассигновать главному врачу Слуцкому пособие в вышеуказанном размере. Но, к нашему искреннему сожалению, доктор Слуцкий, поставленный в известность о состоявшемся решении, от пособия категорически отказался. Но совет больницы, имея в виду, что старшие врачи всех кишинёвских больниц, кроме жалованья, в несколько раз большего, пользуются ещё квартирой, отоплением и освещением, тогда как доктор Слуцкий вынужден тратить на извозчиков, поглощающих нередко значительную часть его жалованья, что доктор Слуцкий, благодаря его энергии, знанию и любви к делу, довёл больницу до такого блестящего состояния, в котором она находилась до войны, что при создавшихся экономических условиях последнего времени больнице грозило неминуемое закрытие и лишь благодаря доктору Слуцкому она продолжала свою функцию, хотя и в сокращённом виде и ныне явилась надежда на полное восстановление больницы, причём открытие хирургического отделения имеет состояться в ближайшие месяцы, что восстановление здоровья доктора Слуцкого не только в его личных интересах, но в значительной мере и в интересах вверенного нам учреждения, которому, хотим верить, доктор Слуцкий ещё долго будет служить, совет не мог относиться формально к этому вопросу и удовлетвориться отказом доктора Слуцкого.

На частных совещаниях предлагалось увеличить доктору Слуцкому жалованье, выдать ему аванс и проч. Но на заседании 27 июня совет в полном составе, обсудив всесторонне этот вопрос, вновь единогласно постановил – убедительно просить доктора Слуцкого принять назначенное ему пособие как долг больницы, как малую компенсацию за его труды, как доплату к тому ничтожному жалованью, которое он получал всё время. Доктор покуда на это своего согласия не даёт, и вопрос ещё остался открытым. Но Совет верит и надеется, что успеет убедить его и добиться его согласия, так как повторяем, это в интересах больницы.

Считаем необходимым ещё добавить, что г. Блуштейн председателем Совета не состоял и не состоит, в решении данного вопроса особой роли не играл и случайно в заседании 20 июня не присутствовал.

В твёрдом убеждении, что в данном вопросе мы поступили правильно и по долгу совести, остаёмся с совершенным уважением.

Председатель Совета Гр. Богон (? – *нрзб.*).

Члены: Д-р мед. А. Коган, Ш. Шейнберг, Л. Трахтенберг, Дувид Сойбельман, Инженер М. Готлиб, инженер И. И. Блуштейн, Я. [Л.? – *Ред.*] Тумаркин и О. Бабич.

Место печати.

г. Кишинёв, 30 июня 1920 г.»

Что мы видим в этой заметке? Что и в новых условиях Моисей Борисович оставался врачом-бессребренником, не пользовался даже теми льготами, которые имели врачи других больниц. Что здоровье его пошатнулось, и это очень беспокоило коллег и попечителей: на нём держалась чуть ли не вся работа больницы. Искали способов, как бы ему помочь, но Слуцкий отказывался принять помощь. Что и после 1918 г., уже при румынской власти, никуда, увы, не исчезли из Кишинёва люди, готовые раздуть из всего этого антисемитский скандал в прессе. И что редакция «Бессарабии» – директором этой газеты, напомним, был Герман Пынтя, неоднократно мэр Кишинёва, – сохранила в этом вопросе беспристрастность и не отказала в публикации письма больничного совета.

В последние годы Моисей Борисович писал мемуары, но успел издать только две части (собранные в настоящем томе), доведя изложение до 1903 г. Стоит присоединиться к мнению кишинёвских исследователей Владимира Тарнакина и Татьяны Соловьёвой:

«Даже если Моисей Борисович больше ничего не сделал бы для евреев Бессарабии, это имя осталось бы в истории благодаря его запискам “В скорбные дни” (Воспоминания о Кишинёвском погроме 1903 года), где он с фотографической точностью запечатлел трагедию, о которой узнал весь мир. Конечно, никто лучше Хайма Бялика не передал эмоции о кишинёвских ужасах, чья поэма “Сказание о погроме” (“В городе резни”) сделала одессита одним из самых известных еврейских поэтов XX века. Но каждый исследователь, интересующийся этими событиями, начнёт поиск с воспоминаний главврача еврейской больницы» (Тарнакин, Соловьёва 138).

Доктор Моисей Борисович Слуцкий умер в 1934 г. И, как это в Кишинёве часто бывает, его дело пережило его ненадолго. В прежнем качестве больница существовала до 1941 г. В советское время она специализировалась на травматологии и ортопедии. На её базе был создан Кишинёвский медицинский институт, преподаватели для которого были присланы из Ленинграда уже в конце 1940-х гг. Ещё в 1980-е гг. здесь находилось шесть кафедр этого же института.

А потом рухнул Советский Союз, и Кишинёв затянуло в очередной исторический водоворот. В больницу вернулись проблемы, с которыми боролся ещё Слуцкий, да ещё в худшем виде. Двадцать лет шла борьба с планами «оптимизации». А планы эти были – от полного закрытия больницы до сноса всех её зданий и замены новыми. Трудно ли гадать, чем бы всё это обернулось? Часть отделений пришлось закрыть – в основном по финансовым причинам. Как это было знакомо доктору Слуцкому! Сейчас в корпусах 100 коек – при Слуцком было 120. В наше время основная специализация больницы – гериатрия, то есть лечение старческих болезней.

Остаётся добавить, что дом доктора Слуцкого сохранился хотя бы частично – по улице Измаильской, 23а. А вот память об этом выдающемся человеке в Кишинёве никак не увековечена.

* * *

Каким же предстаёт доктор Слуцкий на страницах этих воспоминаний? Сам он пишет в предисловии, что считает себя «рядовым интеллигентом», что в то время значило немало. В юности он, как и многие его коллеги – студенты-медики 1860-х гг., – был материалистом. Теперь же, к старости, его «религиозное мировоззрение» (глава 28) сводится лишь к признанию того, что Бог есть, и к теории «двух истин», сформулированной ещё св. Фомой Аквинским: наука и религия заняты разными сферами бытия, поэтому они не могут ни подтверждать, ни опровергать друг друга. Но о большем в этой сфере М. Б. Слуцкий не рассуждает: иудейский ли это Бог, христианский или буддийский. Это скорее пантеизм в духе Б. Спинозы или деизм французских просветителей, чем серьёзная религиозность.

Тем более доктор Слуцкий – не революционер. С неприязнью он отзывается и о нигилистах времён своей студенческой юности, и о Бунде – еврейской социалистической партии, пытавшейся использовать Кишинёвский погром для пропаганды своих идей. С глубокой симпатией он пишет о либеральном царе Александре II, с ужасом – о его убийстве, хотя и отдаёт должное духу членов «Народной воли». Он явно был неприятно поражён тем, что его добрый знакомый князь С. Д. Урусов подписал Выборгское воззвание («В скорбные дни», глава 13). Его воспоминания были написаны в годы, когда Кишинёв находился под властью Румынии, а первая часть («За три четверти века») – когда на троне сидел либеральный король Фердинанд. И о Румынии М. Б. Слуцкий говорит доброжелательно, подчёркивая, например, её вклад в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., которая для самой Румынии стала «войной за независимость». Его явно более всего устраивала та либеральная система, которая начала складываться (но так и не сложилась до конца) в России при Александре II, а в Румынии – при Фердинанде I. При этом, однако, политика для него оставалась всего лишь внешней обстановкой для единственного настоящего дела – его больницы.

В целом, можно определить политическую позицию М. Б. Слуцкого в духе принципа великого еврейского философа XIII в. Маймонида (Рамбама): «дина лемалхута дина» – «закон земли есть наш закон». Этот принцип означал: пока у евреев нет своего государства, они должны считать своим то государство, в котором живут. И они должны быть лояльными подданными этого государства и соблюдать все его законы – до тех пор, пока это не требует отказа от своей веры. Правда, в революционные эпохи этот принцип перестаёт работать: в такие времена сам «закон земли» слишком быстро и резко меняется. Как могли, приспособливались еврейские интеллигенты Бессарабии к законам царской России. Но что делать, если эти законы даже самих русских уже в основном не удовлетворяли? Иначе откуда революция? И если правительство само переходило к поощрению национализма, нарушая тем самым границу, до которой евреи должны были подчиняться «закону земли»?

При этом сам М. Б. Слуцкий не был и националистом. Евреи для него – это в основном своя привычная среда. Свои «простые люди», что в данном случае вовсе не означает ни пролетариев, ни «нищих духом». Это значит лишь: я могу их понять, и они меня могут понять, не пытаюсь читать между строк, не подозревая, что одни и те же слова для говорящего и для слушающего означают не одно и то же. Но нигде у Слуцкого не найти даже намёков, чтобы какую-либо национальность он считал лучше или хуже всех прочих. Его больница принимала людей без разбора национальностей, хотя врачам порой приходилось трудиться на добровольных началах. И когда он вспоминает своих друзей, то тоже не делит их по национальностям.

Увы, делить их начала сама реальность XX в., когда национализм стал самой массовой идеологией. И не только в России или Румынии – нет, везде, от Франции до Турции, от Латинской Америки до Китая. Версальская система, созданная после Первой мировой войны, стала его триумфом: в её основе лежала мысль, что национальные интересы – превыше всех прочих, и лишь посредником между этими интересами могут служить международные органы, вроде Лиги наций. Этой системы хватило меньше чем на двадцать лет, и её крах в новой мировой войне стал сокрушительным ударом по национализму в Западной Европе.

В таких условиях среди евреев возникло своё течение в том же духе – сионизм. Профессор Ю. Л. Слёзкин оценивает его афористично:

«Сионизм, наиболее эксцентричная разновидность национализма, исходил из того, что лучший способ преодоления еврейской уязвимости состоит не в том, чтобы все стали как евреи, а в том, чтобы евреи стали как все» (Слёзкин 2005: 10).

Но евреев в сионизм выдавливали обстоятельства – невозможность жить прежней жизнью на континенте, охваченном войнами и революциями. Игнатьевские «Временные правила», погромы в царской России и в Польше 1940-х гг., националистические режимы в межвоенной Центральной Европе, нацизм и Холокост – вот те события, которые вызывали всё новые и новые волны исхода европейских евреев в Палестину. Для немногих идеалистов это был путь к мечте, для большинства же – бегство. Сам Теодор Герцль, основатель сионизма, начинал с ассимиляторских проектов. Лишь шок от дела Дрейфуса, когда призывы «Смерть евреям!» раздавались даже в Париже, привёл его к мысли: пока у евреев не будет своего угла, где они были бы полными хозяевами, их жизнь всегда под угрозой. И речь шла именно о «своём угле», не обязательно в Палестине. Как известно, Герцль готов был согласиться на создание такого национального очага в Кении («угандийский проект», предложенный Англией): ему это показалось более достижимым, чем борьба за Палестину. Больше того, отказ Всемирной сионистской организации от «угандийского проекта» привёл Герцля к нервному срыву, кончившемуся смертью.

В Бессарабии сионистское движение начало развиваться с 1890-х гг., получая импульс от каждой новой волны погромов. Отношение к нему М. Б. Слуцкого было непростым, хотя и не без явной симпатии. Так, в 1923 г. он выступил с приветственной речью на открытии «Сионистского дома» в Кишинёве, на углу улиц Киевской и Михайловской – ныне 31 Августа, и Михаил Эминеску (Копанский 2008: 73–74), позже стал одним из основателей Еврейского эмиграционного банка (Копанский 2008: 83–84). В 1930 г. он приветствовал в Кишинёве Владимира Жаботинского – когда-то многообещающего русского журналиста, которого как раз впечатления от Кишинёвского погрома превратили в сионистского деятеля крайне радикального толка. Причём Слуцкий подчеркнул, что приветствует его «как человек беспартийный, но всей душой сочувствующий идее возрождения еврейской Палестины» (Копанский 2011: 41). И всё же сам он до конца жизни не покинул Кишинёв и своё детище – Еврейскую больницу. Здесь, в Кишинёве, было дело всей его жизни, которое он не мог бросить. Свои мемуары он написал по-русски.

Наконец, нелишне обратить внимание на те разделы, где М. Б. Слуцкий говорит о науке своего времени. Здесь он выступает не столько как мемуарист, сколько как просветитель и популяризатор науки, при каждом случае доносящий до читателя новости с её переднего края. Поэтому не будем отмечать, что некоторые взгляды тут явно устарели, что кишинёвский врач того времени не мог достаточно глубоко разбираться в ядерной физике. Не устарел пафос просветительства. И с уважением стоит отнестись к надеждам автора на то, что прогресс науки сможет разрешить социальные проблемы. Этот раздел завершается на торжественной ноте: «Сбудутся смелые предсказания химиков (Бертело) и радиологов (Содди) и настанет золотой

век: исчезнет вражда, борьба за существование, соперничество не только между индивидуумами, но и между народами; настанет рай земной. Это – моё научное кредо».

Так определение, которое доктор Слуцкий дал сам себе, – «рядовой интеллигент», – начинает играть новыми красками. И очень характерно, что это – российский интеллигент пореформенной эпохи, земский врач, для которого наука – не просто сфера чистого познания, но средство для практической помощи человечеству. Суждены ему были благие порывы, но и свершить многое было дано – в меру сил, которую сам он не был склонен преувеличивать. Человек, для которого знание и гуманизм были неразделимы, для которого не было жизни вне служения и своему (ставшему своим) городу, и народу, а через них – и всему человечеству. Который разделял «теорию малых дел» в том виде, как её понимали лучшие его коллеги любой национальности. Сочинить очередную утопию или в тысячный раз бросить радикальный лозунг в толпу (а то и бомбу в высокого чиновника) – это не настоящее дело, каким бы оно ни было шумным. А вот вылечить больного ребёнка, защитить в суде невинно обиженного, разъяснить попавшему в тупик человеку его права и возможности – гораздо важнее, гораздо нужнее и понятнее народу. И эту-то линию Моисей Борисович сумел проводить при любой власти, и стойкость при этом от него потребовалась громадная. Его мемуары – прямая иллюстрация к словам Жюль Ренара: «Гораздо труднее быть порядочным человеком в течение недели, чем героем в течение пятнадцати минут».

* * *

Читая воспоминания М. Б. Слуцкого о погроме 1903 г., невозможно не вспомнить другие мемуары о том же времени – «Записки губернатора» князя Сергея Дмитриевича Урусова. Этот человек был назначен губернатором Бессарабии сразу же после погрома. Назначен самим Плеве, со специальным заданием – разрядить обстановку, внести успокоение. Моисей Борисович знал князя Урусова всесторонне – не только как честного и порядочного администратора, с которым нужно было иметь дело по долгу службы и по общественным делам, но и как своего пациента. На «Записки губернатора», впервые вышедшие в 1906 г., он часто ссылается, а иногда и полемизирует с ними. И эти поправки, сделанные очевидцем, достаточно важны.

Так, уже на третий день своего пребывания в Кишинёве князь принял еврейскую депутацию. Сам он вспоминает об этом так: «Какова же была запуганность евреев и как мало нужно было им гарантий от администрации, если они удалились, вполне довольные и почти успокоенные после моих, в сущности, не лестных для них слов» (Урусов 2004: 38). М. Б. Слуцкий, входивший в состав этой депутации, сообщает иное:

«Речь князя произвела на нас неблагоприятное, чтобы не сказать тяжёлое впечатление, и это настроение было настолько общим у всех участников депутации, что, когда мы спускались по ступенькам, выходя из губернаторского дома, все, как будто сговорившись, произнесли одни и те же слова: “его уже успели обработать”».

Положение Урусова было не из лёгких. Его предшественник фон Раабен, управлявший Бессарабией четыре года, жаловался: «Только что я начал знакомиться с губернией [! – *Ред.*], как мне приходится уезжать из неё» (Урусов 2004: 33). У нового губернатора не было столько времени на раскачку. К тому же обстановка после погрома была тревожной. Город раскололся на две почти равные по численности части, насторожённые по отношению друг к другу. Даже полиция не знала, чьим указаниям подчиняться, если губернатор потребует не допустить погрома, а кто-то другой – наоборот. В. В. Шульгин в книге «Дни», рассказывая о событиях в Киеве на другой день после Манифеста 17 октября 1905 г., описывает, как этот вопрос решил для себя некий поручик: «А всё-таки, если они придут и будут безобразить, – я не позволю. Что

такое конституция, я не знаю, а вот гарнизонный устав знаю... Пусть приходят...» Примерно к таким же чувствам должен был воззвать и князь Урусов, когда дал кишинёвской полиции лозунг: «Мы охраняем не евреев, а порядок» (Урусов 2004: 89).

Однако, к чести Сергея Дмитриевича, он сумел не поддаться «обработке». Хотя с Бессарабией он знакомился в дороге по сочинению П. А. Крушевана, хотя ещё на границе губернии его встретил один из главных местных антисемитов-практиков – вице-губернатор Устругов, князь не стал составлять себе мнения до тех пор, пока не разберётся на месте. А разобравшись – занял разумную и справедливую позицию, снискавшую ему всеобщее уважение в крае.

Расходятся оба мемуариста в оценке роли директора департамента полиции А. А. Лопухина. Урусов не верил, чтобы муж его сестры был способен на антисемитские меры. Слуцкий же передаёт впечатление от явно формального «дознания», проведённого Лопухиным в Кишинёве по свежим следам. Однако следует напомнить, что «Записки губернатора» вышли в свет только в 1906 г., когда князь Урусов ещё многого не знал. Даже о погромных листовках, печатавшихся в 1905 г. (во время революции) в жандармском управлении, он услышал от того же Лопухина уже после выхода «Записок».

Стоит прислушаться к мнению американского историка Э. Джаджа, изучившего весь комплекс источников о Кишинёвском погроме и делающего из них обдуманнные и осторожные выводы. Как он считает,

«директор полиции был противником антисемитизма: в министерстве он выступал за прекращение антиеврейских ограничений, а позднее помог разоблачить стремление полиции инспирировать антиеврейскую деятельность. В том, что касается кишиневских событий, он без колебаний обвинял правительство: своей антиеврейской политикой, утверждал он, оно вызвало погром, хотя не стремилось к этому осознанно» (Джадж 1998: 141).

Однако в ходе дела он больше заботился о другом: не допустить, чтобы обвинение затронуло власти и чтобы их престиж был подорван. Так, во время суда Н. П. Карабчевский «позволил себе выразиться следующим образом: когда царь Ирод приказал избивать младенцев, то избивали его солдаты, но виноваты, конечно, не солдаты, а Ирод». Эти слова настолько встревожили А. А. Лопухина, что 30 декабря 1903 г. он специально запросил прокурора А. И. Поллана: «была ли, в действительности, приведённая фраза сказана Присяжным Поверенным Карабчевским» (Материалы... 1919: 330). При этом Лопухин прибыл в потрясённый погромом город через пять дней после событий, когда страсти ещё кипели, и его маска «олимпийского спокойствия» в такой момент была совершенно неуместна, что бы за ней ни скрывалось на самом деле.

Сказанное об А. А. Лопухине относится и к оценке обоими мемуаристами роли министра внутренних дел В. К. Плеве. М. Б. Слуцкий без обиняков считает его одним из главных виновников и организаторов погрома. Даже такой осведомлённый деятель, отнюдь притом не революционер, как граф С. Ю. Витте, с уверенностью утверждал в своих воспоминаниях, что погромы – это «провокация, созданная ещё Плеве и затем, во время Трепова, более полно и, можно сказать, нахально организованная» (Витте 1922: 63). Правда, все историки сходятся на том, что граф Витте писал свои мемуары не для науки, а для оправдания собственных действий (а оправдывать было что), поэтому к его заявлениям следует относиться осторожно. Губернатор же полагал, «что Плеве был слишком умён и опытен, чтобы прибегать к такого рода мерам борьбы с евреями, при всей ненависти своей к ним» (Урусов 2004: 31).

Действительно, прямое распоряжение министра устроить погром так и не было найдено. Да и вообще, не такой человек был Плеве, чтобы поставить под угрозу «порядок и спокойствие» ради авантюры с неясным исходом. Самое большее – он мог считать погром полезным для своей политики. Генерал А. Н. Куропаткин в своём дневнике за 11 апреля 1903 г. записал:

«Перед отъездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишинёве и Кронштадте. Как и от государя, я услышал от Плеве, что евреев следовало проучить, что они зазнались и в революционном движении идут впереди» (Куропаткин 1923: 50).

Но это говорит лишь о том, что Плеве был втайне рад кишинёвской трагедии и не скрыл этого чувства в разговоре с глазу на глаз с доверенным человеком, но не о роли организатора или подстрекателя событий. Тем более что Куропаткин тут же ставит его на одну доску с царём, который явно не стал бы лично заниматься делами на дальней окраине.

Что же касается роли губернатора фон Раабена, то тут оба мемуариста практически согласны. Ни в подготовке погрома, ни в его разжигании фон Раабен участия не принимал, но к его пресечению оказался не готов. Его вина заключалась в преступном бездействии: он даже не знал закона, на основании которого обязан был действовать. Генерал, служивший в основном в штабах, фон Раабен смотрел на своё губернаторство как на синекуру, служащую больше для «соединения здешнего общества» (Салтыков-Щедрин, «Праздный разговор»), чем для каких-либо практических дел. В чём состоят его права и обязанности как губернатора, он не знал и не пытался узнать. Чего стоят его слова уже после отставки: «да покажите мне, наконец, эти правила о призыве войск для содействия гражданской власти, о которых мне протрубили уши» (Урусов 2004: 33). И М. Б. Слуцкий, и С. Д. Урусов согласны, что этот человек, лично честный и порядочный, не годился на роль организатора погрома, но и помешать не мог. Во время событий он сначала был сторонним наблюдателем, потом попросту растерялся, а затем, когда масштаб трагедии проявился, был превращён в козла отпущения.

В целом, позиция двух либеральных российских интеллигентов – губернатора и главврача Еврейской больницы – оказалась достаточно близка. Конечно, они видели события с разных позиций, поэтому их воспоминания дополняют друг друга. Когда князь Сергей Дмитриевич уезжал из Кишинёва на новое место службы, его провожала вся еврейская общественность города. Переписка между кн. Урусовым и М. Б. Слуцким продолжалась до ноября 1905 г. И по воспоминаниям Моисея Борисовича заметно, как волновала его дальнейшая судьба князя.

* * *

Всё это заставляет нас затронуть большую тему – о виновности правительства и отдельных представителей власти. Подлинные документы, доказывающие их виновность, так никогда и не были найдены. Вообще убеждение, что за каждой трагедией непременно следует искать чью-то личную и целенаправленную злую волю, – средневековый шаблон, на котором основаны и крушевановские «Протоколы». Тем не менее моральная вина царского режима несомненна.

«Хотели погрома в правительстве или нет, но правительство содействовало созданию благоприятной обстановки для него путём насаждения примитивного русского шовинизма и официального антисемитизма, оказания помощи и поддержки местным фанатикам и подстрекателям. Антиеврейское законодательство, государственная репрессивная политика и фаворитизм в отношении антисемитов – всё это содействовало созданию общего впечатления, что антиеврейская деятельность не только разрешалась, но и поощрялась. Нетрудно увидеть, что в этой обстановке амбициозные местные чиновники пытались сделать карьеру с помощью репрессий в отношении евреев, а местные крестьяне и городская беднота уверовали, что антиеврейские насилия отвечают воле царя» (Джадж 1998: 146–147).

Уже одно то, что в отношении евреев всё время применялось особое законодательство, создавало впечатление, что евреи – не в том положении, что все остальные граждане, что они не могут считаться вполне «нашими». И всё это накладывалось на массовое сознание, с его средневековыми предрассудками и психологией единственного царства истинной веры. К тому же это происходило на фоне начавшихся болезненных процессов модернизации, когда массы людей чувствуют себя выбитыми из колеи, когда они ищут виновных (Джадж 1998: 24, 28, 150).

Могли ли российские власти обойтись без антисемитизма? Да, могли. Старая Австрия по своему политическому устройству была династическим государством, таким же анахроничным по политическому устройству, как и царская Россия. Но в Австрии ограничения для евреев были отменены ещё в 1781 г., а антисемитизм отдельных групп (например, немецких националистов) власти не поощряли: он угрожал устойчивости самой монархии. Поэтому в Австрии погромов не было. Евреи пользовались полным гражданским равноправием и до конца остались лояльны Габсбургам. Не менее показателен пример Португалии, где в середине XVIII в. маркиз де Помбал отменил неравноправие «новых христиан» (евреев, насильно обращённых в католицизм) и уничтожил списки, на основании которых инквизиция выискивала этих людей, чтобы шантажировать.

«Одним из последствий реформ Помбала было окончательное решение иудейской проблемы в Португалии. Уравнение в правах “новых христиан” и прекращение их преследования позволило им полностью ассимилироваться с остальной частью населения, к чему они, собственно говоря, и стремились на протяжении нескольких столетий и чему искусственно препятствовал террор инквизиции. Процесс ассимиляции произошёл столь быстро, что несколько десятилетий спустя после реформ Помбала в Португалии исчезли всякие следы “новых христиан”» (Григулевич 1985: 344).

А вместе с ними исчезла и проблема, созданная искусственно и причинившая стране огромный ущерб.

Почему же, однако, российское правительство столь упорно проводило такую самоубийственную политику? Вот тут мы подходим к его главной, хотя и непреднамеренной, вине, и прежде всего перед собственным народом, – *преступной несовременности*. Машина имперской администрации была создана для решения задач времён ручного производства и крепостного права. В эпоху промышленности и машинной техники она всё ещё пыталась заниматься средневековыми проблемами: истинная вера, права сословий... Расследование крушения царского поезда в Борках (17 октября 1888 г.) выявило, что чиновники свиты думали о чём угодно: кто вправе ехать вместе с царём, кто может указывать машинистам и стрелочникам, – только не о технике безопасности. Нарушить законы Ньютона оказалось опаснее, чем законы Российской империи, и то, что у Ньютона даже и чина-то не было, в данном контексте неважно – что за крамольная мысль! Такая же картина вырисовывается в романе А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». Много раз автор, сам побывавший в Цусимском бою, повторяет: высшие офицеры эскадры могли бы стать красой парусного флота, но среди машинной техники они были явно не на своём месте. Даже адмиралу Рожественскому, обрисованному самыми чёрными красками, Новиков-Прибой не отказывает в известных достоинствах: сам не воровал и другим не позволял, сумел провести эскадру через три океана, не потеряв ни одного корабля, от личной ответственности не уклонялся. Для суворовских времён этих качеств было бы предостаточно. Но времена изменились и принесли с собой новый дух. Оказалось, что матрос теперь должен быть грамотным, что грамотного матроса нельзя пороть, что читать он должен не только акафисты... Управлять таким флотом офицеры старой школы оказались не готовы.

Такая же неспособность следовать духу времени сквозит и в действиях властей в связи с Кишинёвским погромом. Царские администраторы в массе своей не были ни тупицами, ни

злыми заговорщиками. Но их возможности были крайне ограниченными – не в последнюю очередь из-за экономической отсталости страны: государственные финансы были слабы, а это вынуждало ограничиваться самым дешёвым образом государственного аппарата (Пайпс 1994: 77–79). Отсюда – жёсткое единоначалие, ответственность чиновников только перед вышестоящими, что вело к принципам: «инициатива наказуема» и «запрещено всё, что не разрешено». Такой аппарат оказывался бессилён при решении сложных задач, особенно связанных с техникой или финансами. Отсюда пассивность и страусиная политика с бесконечной оглядкой «наверх». Вообще российские чиновники очень напоминали своих австрийских коллег. Но и там министр-президент граф Э. фон Тааффе определил работу своего правительства как *Fortwursteln* (халтура), а социалист Виктор Адлер выразился об австрийской политической системе и того резче: *ein Absolutismus gemildert durch Schlamperei* – абсолютизм, ограниченный расхлябанностью (Яси 2011: 27, 208). К России это относится ещё больше: австрийские бюрократы всё же славились высокой квалификацией, а российские половину времени в гимназиях изучали латынь. Царская администрация уже не была способна эффективно управлять страной, и в то же время не желала уступить власть добровольно, пока это можно было сделать мирным путём, контролируя, кто придёт на смену. Такая ситуация не оставляла иного выхода, кроме насильственной революции с непредсказуемым исходом.

Сам же механизм принятия властных решений был укрыт покровом «канцелярской тайны» и толкал обывателей к тому ходу мысли, который сегодня называют конспирологией: судить приходится по косвенным и непроверенным данным, ибо подлинная информация никогда не будет доступна.

По всем этим причинам в пасхальный понедельник кишинёвские власти не знали, как поступать. За сутки губернатор дважды направлял телеграммы Плеве, а прокурор Горемыкин – своему министру. До 3.30 Раабен и Бекман не могли решить, кто из них что именно вправе делать. А их подчинённые, в свою очередь, не получали указаний и не смели действовать на собственный страх и риск. Тем более что полицейских в городе было всего двести (на бо́льший штат не хватало казённых средств), а солдаты, получая противоречивые приказы, предпочитали ждать, пока начальство само разберётся, чего оно хочет. Такое поведение подбадривало погромщиков: раз власти не вмешиваются – значит, громить дозволено! Стороннему же наблюдателю это могло казаться только попустительством: результат был тот же.

Когда же начал разгораться скандал в российской прессе, а затем и за рубежом, – оказалось, что российское правительство вообще не умеет объясняться с общественным мнением, на которое нельзя прикрикнуть. Достаточно сказать, что его официальное заявление (в форме циркуляра) появилось лишь через две недели после погрома (Джадж 1998: 81). Такой же замедленной была и его реакция на публикацию в лондонской «Таймс» письма министра Плеве губернатору Раабену, в котором тот якобы требовал «не прибегать к помощи оружия» и ограничиваться «увещаниями». За это время общественное мнение уже успевало сформироваться. Российские власти, вероятно, забыли, что говорят не с безгласной толпой, обязанной видеть правду и мудрость во всём, что им сказано сверху. Такие запоздалые оправдания не просто не вызвали доверия: они создавали впечатление, что «правительство вело себя как преступный заговорщик, пытающийся скрыть свою вину» (Джадж 1998: 145).

Самой тёмной фигурой в этих событиях был, несомненно, барон Л. Н. Левендаль, начальник только что созданного кишинёвского охранного отделения. Современники знали о нём так мало, что никто даже не называет его инициалов. То, что губернатор, уже собравшийся было выехать для усмирения погромщиков, после беседы с Левендалем (содержание которой так и осталось неизвестным) отказался от своего намерения, сразу же вызвало всеобщую уверенность, что барон действовал по приказу Плеве. Между тем, как указывает Э. Джадж (1998: 139), в качестве начальника охраны Левендаль подчинялся не Плеве, а Лопухину, а непосредственно – главе Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатову. Как раз в это время

Зубатов пытался создать правительству опору в массах – в виде подконтрольного властям рабочего движения («зубатовщины»), привлекая к нему даже переубеждённых им бундовцев. Последние создали даже особую «Еврейскую независимую рабочую партию», конфликт из-за которой с Плеве положил конец карьере Зубатова. Вполне вероятно, что и Левендаль в Кишинёве должен был действовать в том же духе, что и его прямой начальник в столице. Однако как жандарм он привык действовать тайно, а его встречи с тёмными личностями, среди которых был и Пронин, вызывали подозрения в городе. Поведение Левендаля во время самого погрома было воспринято лишь как подтверждение этих подозрений. Больше того, накануне погрома барон докладывал в Петербург об обостряющейся ситуации и позже даже жаловался, что его предупреждения не были услышаны.

Итак, остаётся согласиться с выводом Э. Джаджа. Версия о стихийном характере погрома не выдерживает критики, но и версия о «руке Петербурга», непосредственно руководившей погромщиками, не опирается на серьёзные доказательства. Наиболее вероятен «третий вариант», хотя и он не снимает вины с правительства. Министерство во главе с В. К. Плеве вряд ли стремилось к погрому – крайнему и неконтролируемому нарушению порядка. Но оно «знало о деятельности Крушевана и Пронина и одобряло её общее направление» (Джадж 1998: 145). Его тревожило положение в Бессарабии – пограничном крае с нерусским населением, где к тому же росло революционное движение. Только в сентябре 1901 г. несколько сот демонстрантов с революционными песнями прошли по главной улице в городской сад (куда допускалась только публика из высшего общества) и прямо возле дома губернатора устроили митинг с призывами к свержению царизма (Черепнин 1965: 528). Характерно, что и в этом случае полиция, увидевшая среди демонстрантов прилично одетых «панычей», долго не решалась что-либо предпринять². Через Бессарабию в Россию перебрасывалась нелегальная литература, а в 1902 г. кишинёвская полиция раскрыла подпольную типографию газеты «Искра», редактировавшейся самим Лениным. Губернию сотрясали стачки рабочих, волнения крестьян. Рядом находилась Румыния, в те годы далеко не дружественная страна.

В таких условиях власти искали себе опору в лице консерваторов и националистов-державников. Крушеван и Пронин как нельзя лучше подходили на эту роль. А их апелляция к «трудовым массам» хорошо вписывалась и в зубатовскую рабочую политику. Правда, оба они были людьми не вполне адекватными. Крушеван в рассказе «Охота на волков» сам признавался в своих ночных кошмарах (Ижболдина 2007: 164). А у Пронина была стойкая репутация не только третьесортного демагога, но и прямого мошенника. Так, уже в Кишинёве он взял подряд на мощение улиц, причём вместо обещанной первосортной брусчатки выписал третьесортный булыжник и прикарманил разницу. Но с этими «шалостями» власти предпочли мириться, а что касается антисемитской риторики – видимо, полагали, что она так громкими словами и останется. Во всяком случае, когда началось «дубоссарское дело» (очередной кровавый навет, о котором сам М. Б. Слуцкий пишет в первой главе воспоминаний «В скорбные дни»), и стало ясно, что обстановка накаляется, были приняты вялые меры: Крушевана заставили напечатать опровержение, решили увеличить число патрулей (Джадж 1998: 146).

Но к этому времени и Крушеван, и Пронин почувствовали сильную поддержку и решили, что их час настал. Крушевана больше волновала тема «экономического засилья» евреев. Ведь на его глазах разорялись не только помещики, но и патриархальное крестьянство, а на смену им шла буржуазия – городская и сельская. Это пугало и Салтыкова-Щедрина, у которого «Убежище Монрепо» кончается воплем: «идёт чумазый!». Но в многонациональной Бессарабии, где этнические группы были в то же время и социальными статусами, «чумазый» персонифицировался: «идёт новое племя!» Племя, которому не дороги ценности патриархального мира, которое разрушит старые сословные рамки, старый образ жизни. Тот же ход мысли мы позже

² Любезное сообщение доктора истории В. Н. Поливцева.

увидим у О. Шпенглера, для которого поместное дворянство – лишь «высшая форма» крестьянства, и оба они противостоят «кочевникам мировых столиц» (Шпенглер 1993: 165). А ещё позже – в нацистской и околонуцистской литературе (см.: Мосионжик 2012).

Пронин так далеко замахнуться не умел. Ему достаточно было свести счёты с конкурентами, мешавшими его коммерческим планам (Урусов 2004: 77). Но роль обеих этих фигур в подготовке погрома ясна. Что же до имперской администрации – и столичной, и кишинёвской, – к тому времени она была уже слишком дряблой, чтобы надолго удержать ситуацию под контролем. Власти растормозили и выпустили на волю силу, которой оказались не способны управлять (и слишком поздно это заметили). И хвост стал вертеть собакой. А потом 1905 г. показал, что другой опоры у самодержавия и вовсе не осталось. Приходилось мириться либо с парламентом, ограничивающим власть монарха, либо с Крушеванами.

Итак, власти вряд ли желали погрома, но создали те условия, в которых он стал возможен. Крушеван, Пронин и некоторые близкие к ним лица – желали и организовали. Все наблюдатели заметили, что с самого начала погромщики расходились с Чуфлинской площади уже организованными группами, действовавшими единообразно. Все видели, что христианское население рисовало на дверях кресты или выставляло в окнах иконы – стало быть, заранее было предусмотрено, как избежать насилий. И всё же и Крушеван с Прониным, при всей их сознательной виновности, не стояли за каждым брошенным камнем. Они создали и организовали агрессивную толпу, а у этой толпы есть собственные законы поведения (см.: Назаретян 2003). Каковы бы ни были планы Крушевана и его присных, вряд ли они заранее желали такого размаха, чтобы в 100-тысячном городе был повреждён или разрушен почти каждый третий дом. Но чем больше толпа чувствовала вседозволенность, допустимость не только насилия, но и грабежа, – тем больше она выходила из-под контроля. Это не оправдывает виновников погрома, но позволяет понять механику развития событий.

Конечно, мы не ставим себе задачей провести исчерпывающий анализ причин Кишинёвского погрома. На этот счёт есть уже обширная литература. Следует отметить, что многого из сказанного М. Б. Слуцкий в своё время знать не мог. И когда он называет Плеве и Лопухина «главными организаторами погрома» («В скорбные дни», глава 9), – конечно, это общее мнение либеральной интеллигенции того времени, а вовсе не твёрдо установленный факт. Но не забудем: Слуцкий был человеком, лично спасавшим десятки жертв погромщиков – и в 1903 г., и два года спустя, и позже. Кто осмелится требовать от него отрешённой и беспристрастной позиции? Главное достоинство его книги – в фактах, которые он передаёт как очевидец.

* * *

Тексты воспоминаний приводятся по первым изданиям:

Слуцкий М. Б. За три четверти века. Мои воспоминания из детства, юности и полувековой врачебной и общественной деятельности. Часть первая (годы 1851–1900). Кишинёв: Тип. Акц. О-ва «Unser Zeit», 1927. 122 с.

Слуцкий М. Б. *В скорбные дни. Кишинёвский погром 1903 года*. Кишинёв: Типография М. Авербуха, 1930. 119 + IV с.

В первой из этих книг имеется разночтение: слова «За три четверти века» на обложке даны самым крупным шрифтом, как основной заголовок, на титульном же листе – отсутствуют вовсе. На обороте титульного листа – только одна строчка: «Cenzurat la Cenzura Chişinău» – «Дозволено кишинёвской цензурой». Подцензурный характер обоих изданий следует учитывать при оценке некоторых высказываний автора.

В оригинале использовалась (как и во всей бессарабской печати на русском языке до 1940 г.) дореформенная орфография. В данном издании она приведена к современной. В обоих изданиях много опечаток, особенно в расстановке запятых. В тогдашнем Кишинёве, уже десять

лет как не находившемся под властью России, издательства явно испытывали трудности с корректурой на русском языке. В ряде случаев – например, там, где фамилия Склодовской-Кюри передана как «Скадовская», – нет возможности установить, кто допустил ошибку: автор, корректор или наборщик. В данном издании мы исправили только явные опечатки, не создающие двусмысленности.

Все постраничные сноски, помеченные звёздочками, принадлежат автору и воспроизводятся по тексту оригинала. Комментарии от редакции помечены арабскими цифрами и даются после основного текста.

У М. Б. Слуцкого еврейские имена даны в той форме, какую они имели в бессарабском диалекте языка идиш: Дувид вместо Давид, Сура вместо Сара и т.д. В данном издании они оставлены без изменений.

Л. А. Мосионжник, доктор истории, доцент университета «Высшая антропологическая школа» (Кишинёв)

Доктор М. Б. Слуцкий
За три четверти века
Мои воспоминания из детства, юности и
полuveковой врачебной и общественной деятельности

Часть первая

(годы 1851–1900)

Кишинев

Типография Акц. о-ва “Unser Zltt”

1927

Предисловие

Я давно лелеял мечту написать историю Кишинёвской еврейской больницы. Наша больница существует более ста лет, оказывала в течение этого длинного периода времени стационарную и амбулаторную медицинскую помощь сотням тысяч больных и призрение тысячам старцев. Это учреждение оставалось долгое время единственным лечебным заведением не только в Кишинёве, но и во всей Бессарабии и прошло длинный тернистый путь, пока достигло настоящего своего состояния.

Такое учреждение заслуживает, по моему убеждению, чтобы история его развития и деятельности была запечатлена. А если это так, то на ком лежит обязанность выполнить этот долг перед больницей, как не на мне, проработавшем в этом учреждении полвека, игравшем значительную роль в его развитии и жизни, горевавшем его горестями, радовавшемся его радостями?

Но погружённый в повседневную текущую работу по заведованию больницей, частной практике и общественной деятельности, – я всё откладывал.

1 (14) января прошлого 1926 года исполнилось 75 лет со дня моего рождения и 50 лет моей врачебной и общественной деятельности. Мои друзья, сослуживцы и коллеги по профессии (Союз Бессарабских врачей) торжественно отпраздновали это знаменательное для меня событие. И я пользуюсь настоящим случаем, чтобы снова выразить мою искреннюю признательность всем лицам и учреждениям, которые так или иначе почтили меня своим вниманием.

Итак, я вступил в 76-й год своей жизни и решил, что дальше откладывать нельзя, – может быть поздно.

Я вспомнил следующий факт. Известный учёный Менделеев в 1903 году опубликовал свою работу о мировом эфире. Когда я ознакомился с этим трудом, меня поражала неясность многих мест. Чувствовалась какая-то спешка, какая-то недоделанность. И на это указал сам автор, оправдываясь тем, что считал нужным спешить. Он действительно вскоре умер. Я далёк от того, чтобы сравнивать себя с великим Менделеевым, считаю себя рядовым интеллигентом, всё же нахожу необходимым осуществить свою давнишнюю мечту и сознаю необходимым спешить.

Поэтому прошу моих будущих читателей относиться снисходительно к шероховатостям в языке и возможным неточностям и неясностям.

И вот, начертав общий план истории еврейской больницы, я увидел, что жизнь её тесно связана и переплетена с жизнью и деятельностью других учреждений и даже отдельных лиц, что на ней отражались внешние течения, политические и общественные, и что поэтому писать «сухую» историю больницы, игнорируя внешний мир, невозможно.

В самом деле, мыслимо ли, когда я вспоминаю, что при первом вступлении моём в больницу я застал низкую полутёмную комнату в подвале, и в этой комнате было помещение, в котором раньше содержались психические больные, прикованные или привязанные к железным кольцам в столбе, вкопанном в пол, – мыслимо ли в этом случае не упомянуть о враче-филантропе Пинеле, который радикально изменил режим содержания психических больных.

Или мыслимо ли, когда я касаюсь кровавых годов 1903 и 1905, ограничиться сухим перечнем убитых и раненых, доставленных в больницу, и не говорить о самих погромах, живым и близким свидетелем которых я был.

И я решил расширить программу проектируемого мною исторического очерка. Я решил знакомить читателей с выдающимися явлениями данного исторического периода, с теми учреждениями и отдельными лицами, которые приходили в тесный контакт с больницей, и наконец, с фактами, событиями и впечатлениями из моей личной жизни, поскольку они характеризуют ту эпоху или вообще имеют общественное значение. Таким образом, вместо намеченной мною истории еврейской больницы я намерен передать «мои воспоминания». Всё же главная моя

задача – история еврейской больницы, и ей будет уделено в моих воспоминаниях первое место. Далее, так как для полноты изложения мне придётся говорить о фактах и событиях из далёкого прошлого, свидетелем которых я не был, то в таких случаях я буду пользоваться историческими документами и сведениями, полученными от очевидцев.

Глава 1

Моё раннее детство

Я родился в г. Василькове Киевской губернии на рубеже между первой и второй половиной прошлого столетия, в ночь с 31 декабря 1850 на 1 января 1851 года.

Рано лишившись отца, я воспитывался в Бердичеве у деда по матери, тогда уже глубокого старика Леона (Лейбцы) Эфрусси. Это был человек далеко не заурядный. Глубокий знаток еврейской письменности, он был не чужд и общеевропейской культуры, по крайней мере, говорил хорошо по-польски, недурно по-русски и по-немецки. Теперь мы хусидом или хасидом³ называем всякого ортодоксального еврея. Тогда же всё еврейство делилось на две группы – на хасидов, то есть поклонников цадигов⁴, и миснагидов – их противников, или, по меньшей мере, относящихся к ним индифферентно. Состоя в близком родстве со многими цадиками (родной брат его жены был знаменитый цадик Нухим Браславский), дед относился к ним отрицательно и никогда с ними не встречался, ещё более отрицательно он относился к их поклонникам, хасидам, которые, чуть ли не обоготворяя своего цадика и рассказывая постоянно о творимых им чудесах, всячески хулили других цадигов и враждовали с поклонниками последних. Эти раздоры проникали даже в семейства: нередко брат враждовал с братом; иногда из-за этой вражды имели место разводы супругов.⁵

Дед слыл за человека самостоятельного, гордого, но корректного и в высшей степени честного. И к нему часто приходили и приезжали за разрешением всяких конфликтов как между отдельными лицами, так и общиной. Он был человек состоятельный, вёл обширную торговлю аптекарскими товарами, которыми снабжал несколько губерний. Интересны формы торговой деятельности того времени. Дед имел собственную фуру, четвёрку лошадей, кучера и двух разъездных приказчиков. После Пасхи отправлялись за товаром в далёкий путь в Гамбург, откуда возвращались домой лишь к осенним праздникам. После этих праздников отправлялись вторично в путь, на сей раз не столь далёкий, – в Броды (Галиция) и возвращались на Пасху.

Делом своим дед очень мало интересовался. Приказчики наживались, он это отлично знал, но ради своего спокойствия смотрел на это сквозь пальцы, благо и он мог жить вполне прилично. Зато дед любил беседовать и спорить о «высоких материях» с такими же «вольнодумцами», как он сам.

Я обожал деда и жадно прислушивался к его беседам. Я улавливал только то, что часто упоминалось имя царя Николая, и к этому имени всегда относились отрицательно.

³ Хасидизм – ортодоксальное и мистическое течение в иудаизме, возникшее в XVIII в. Делится на ряд направлений, самое известное из которых – Хабад Любавич.

⁴ Цадик – буквально «праведник», местный религиозный авторитет в хасидизме.

⁵ Примечание: Желаям ближе ознакомиться с хасидизмом могу рекомендовать очерк «Мысли о хасидизме» И. Г. Оршанского (Еврейская библиотека, том 1, 1871 г.).

Глава 2

Крымская война и смерть Николая I

Когда во мне пробудилось сознательное отношение к окружающему миру, я узнал, что идёт большая война. В наш город приходили и из него уходили войска. Скоро стали приходить «ратники»⁶ с крестом на шапках. Мать даже купила мне игрушку в виде маленького ратника. Но я видал и иные картины. Я видал часто, как солдаты влекли евреев. За ними бегала толпа людей, мужчин, женщин и детей. Все охали и плакали, особенно женщины, рвали на себе волосы и громко с причитаниями рыдали. И я знал, что это влекут людей в солдаты. Один факт глубоко запечатлелся в моей памяти. К нам во двор ворвался мальчик лет 12, за ним гнались двое евреев. Мальчик как в воду канул. Преследовавшие его евреи не смели сделать тщательный обыск в доме деда и ушли ни с чем. И я знал, что мальчик «пойманник», а преследовавшие его евреи «ловчие»⁷. Вот разнеслась весть, что Николай умер. И это вызвало всеобщее удовлетворение не только у евреев.

Вскоре узнали, что Николай умер не естественной смертью, а отравился. И эта весть произвела сильное впечатление, так как в этом усмотрели перст Божий⁸. Все вздохнули свободно, тем более что сведения о новом царе были самые благоприятные.

Но вот настал давно жданный мир. К нам стали возвращаться солдаты, оборванные, истощённые, многие на костылях. Они рассказывали об ужасах войны, как они голодали и холодали, как подрядчики вместе с чиновниками грабили. Но и они утверждали, что новый царь добрый и что наступят лучшие времена.

Яркой иллюстрацией «порядков», существовавших во время Крымской войны, может служить рассказ, слышанный мною много лет позже из уст кишинёвского старожилы, ныне покойного аптекаря Якова Ивановича Бонгардта. В качестве провизора⁹ он был взят на военную службу, и ему было поручено сопровождать транспорт с медикаментами и перевязочными материалами в «дунайскую армию». В Кременчуге узнали, что армия эта выведена из Турции и направлена в Севастополь. Возник вопрос – как быть. За разрешением этого вопроса Бонгардт обратился к тамошнему начальству. Местное начальство заявило, что оно не может изменить распоряжения высшего начальства, а Бонгардту сказали: «ты получил приказ вести транспорт на Дунай, вези и не рассуждай». По прибытии транспорта в Кишинёв оказалось, что за Прутом и Дунаем не было уже ни одного русского солдата. Опять всплыл вопрос: как быть? Решено было запросить Петербург. Прошло много времени, и получился приказ вести транспорт в Севастополь. Когда после многих мытарств по ужасным дорогам транспорт прибыл в Крым,

⁶ Ратники – крестьяне-ополченцы, которых русское правительство вынуждено было призвать во второй половине Крымской войны. Армия в России в то время комплектовалась за счёт рекрутских наборов, поэтому быстро восполнить боевые потери было сложно. Ратники не успевали пройти курс военного обучения и поэтому в боях не сыграли особой роли. Но среди крестьян распространился слух, что после войны добровольцы будут освобождены от крепостной зависимости. Этот слух взволновал всю крестьянскую массу, крайне напугал помещиков и стал одним из непосредственных поводов к отмене крепостного права после Крымской войны.

⁷ Об этих понятиях см. гл. 4.

⁸ Слухи о самоубийстве Николая I распространились сразу же после его смерти 18 февраля (2 марта) 1855 г. во всех слоях русского общества. Если в простонародье действовало мистическое убеждение, что русский царь не может умереть своей смертью – его всегда «изводят бояре» (см., напр.: Эйдельман 1986: 28, со ссылкой на Н. А. Добролюбова), то образованные круги считали, что виной всему – неудачи в Крымской войне. По их мнению, тяжёлые поражения заставили царя понять, что его близорукая внешняя политика втравива Россию в войну с могущественной коалицией, а внутренняя – не позволила рассчитывать на успех в этой войне. В доказательство ссылались на явные проявления депрессии, овладевшей Николаем I в последние месяцы его жизни (см.: Тарле 1944: 193, 317–319). Тем не менее версия о самоубийстве царя не подкреплена документами, хотя этому вопросу посвящена обширная литература.

⁹ Провизор – фармацевт, имеющий право управлять аптекой. В старой России – учёная степень, ниже магистра фармации, предполагала не только научные знания, но и административные навыки.

оказалось, что уже заключён мир, и войска уходили¹⁰. Опять запрос в Петербург и ответ отвести транспорт обратно в Петербург и сдать в главный склад, откуда он был заимствован. Таким образом Бонгардт с обозом пропутешествовал два года и «благополучно» выполнил свою миссию.

¹⁰ Отвод Дунайской армии в пределы России продолжался с июня до конца августа 1854 г. Парижский мирный договор, окончивший Крымскую войну, был подписан 18(30) марта 1856 г., причём в Крым эта весть пришла далеко не сразу.

Глава 3

Хедер

Когда мне минуло 3 года, меня стал обучать молитвам и еврейскому чтению приходящий «бельфер» (помощник меламеда), а когда мне минуло 5 лет, меня отдали в хедер¹¹. По-видимому, во всех хедерах того времени был жестокий режим, но наш меламед, кажется, побил рекорд, он прямо истязал детей. На стене на гвоздике висела плётка, официально она висела для острастки, а в действительности чуть не ежедневно она гуляла по нашим телам. Кроме плётки, наш меламед практиковал в широких размерах и «рукоприкладство» в виде тумачения, дёргания за уши, за волосы и т. д. Детям было внушено, что рассказывать в школе, что творится в хедере, – величайший грех.

В одно из ближайших после моего поступления в хедер воскресенья, когда я видел, что экзекуция приближается ко мне, я прибег к хитрости, заявив, что место, по которому секут, я оставил дома в шабесовых штанах¹². За этот обман я получил двойную порцию. Привыкши дома к баловству и нежному уходу, я в хедере был так терроризирован, что ничего не воспринимал из преподаваемой «науки». Когда мать стала замечать, что я потерял прежнюю резвость и побледнел, она стала просить меламеда, чтобы он обращался со мною помягче, но меламед заявил, что со мною он должен работать больше, чем с другими детьми, так как я мальчик совершенно тупой. Дай бог, сказал он, чтобы можно было научить его грамоте, чтобы он не остался совершенно «гам-уурец» (мужиком). Такая перспектива очень опечалила мать. Но вот однажды, собираясь меня выкупать, она увидела, что всё моё тело покрыто синяками. С этим она уже не могла мириться, и я был взят из хедера. К счастью, тогда открылся реформированный хедер, который, в отличие от обыкновенного, назывался уже пансионом, а заведующий назывался не меламедом, а учителем. Здесь был совершенно иной режим, учитель меня любил, и я ожил. Он вскоре заявил матери, что у меня хорошие способности, чем несказанно её обрадовал. Когда мне минуло 8 лет, дед определил меня в Казённое еврейское училище 1-го разряда (низшее).

Это событие как будто не представляет никакого общественного интереса, но тогда оно вызвало огромную сенсацию среди моих ортодоксальных родственников. Как, говорили: Лейбце Эфрусси, старейший представитель родовитой фамилии, шурин знаменитого раввина Шулим-Нусима Маргулиса и дядя «восходящей звезды» рабби¹³ Иойзипа Эфрусси, отдаёт находящегося на его попечении внука в казённую школу, начальником которой состоит христианин (до 1862 года смотрителем казённого еврейского училища мог быть только христианин) и воспитателями какие-то неведомые пришельцы, хотя и называющие себя евреями, но в действительности такие же гои, как их начальник; отдаёт в школу, созданную ненавистным царём Николаем для того, чтобы оторвать еврейских детей от их религии и выкрестить их. Но дед остался непреклонен, и я поступил в училище.

¹¹ Хедер – еврейская начальная религиозная школа. Учитель в такой школе назывался *меламед*. Обучение в хедере было платным, допускались только мальчики, а учебные предметы ограничивались религией. Уже с XVIII в. такая система обучения подвергалась критике со стороны еврейских просветителей.

¹² Шабес (идиш), шаббат (иврит) – суббота. В этот день полагалось одеваться лучше, чем в будни.

¹³ Рабби (в Синодальном переводе Нового Завета – равви) – «учитель, наставник»; уважительное обращение к духовному лицу, а позднее – к образованным людям вообще. Родовая знать у евреев исчезла ещё в результате падения Иудейского царства (587 г. до н. э.), и единственной элитой осталась образованная верхушка, до Нового времени совпадавшая с духовенством. Обращение «рабби» было настолько почётным, что включалось в аббревиатуру имён. Так, крупнейший еврейский философ Средневековья – Маймонид – на иврите обозначается как Рамбам, что расшифровывается: рабби Моисей бен Маймон.

Глава 4

Причины враждебного отношения евреев к Николаю. Рекрутчина

Ещё в детстве меня интересовал вопрос: почему евреи относятся к царю Николаю так враждебно. Но ответ на этот вопрос стал для меня ясен лишь впоследствии. Деспотизм Николая, его ложная внутренняя и внешняя политика, доведшая Россию до жестокой войны, поражения армии и позорного мира, в предвидении которого этот гордый деспот лишил себя жизни, всё это мало интересовало широкие массы еврейского населения. Погружённым в мрак невежества и в повседневную заботу о куске насущного хлеба, им было не до политики.

А повальное взяточничество было даже на руку единичным дельцам, подрядчикам, поставщикам и откупщикам, которым при этих условиях было легче обдeldывать свои дела¹⁴. Причины ненависти к Николаю были иные, и на первом плане воинская повинность, или, как тогда говорили, – рекрутчина.

До Николая евреи в России отбывали эту рекрутчину не натурой, а налогом, причём евреи, как мещане, так и купцы, платили налог, одинаковый с купцами христианами. Официальным мотивом освобождения евреев от натуральной воинской повинности было то, что она противоречит требованиям еврейской религии, а действительным – соображения фискальные. Как ни было трудно еврейскому населению при его бедственном материальном положении выплачивать этот крупный налог, оно смотрело на освобождение от страшной рекрутчины как на великую льготу.

Но вот воцарился Николай, и уже в 1826 году последовал указ о привлечении евреев к отбыванию воинской повинности натурой. Принципиально против этого ничего нельзя было иметь. Но в действительности рекрутчина была для евреев ужаснейшим ударом.

Рекрутчина того времени была чрезвычайно тяжела для всего населения, так как продолжалась 25 лет и протекала при ужасных условиях; особенно они были тяжелы для евреев в силу своеобразных условий их жизни.

Евреи женились очень рано, и почти все кандидаты в солдаты были люди семейные, жившие изо дня в день¹⁵. Привлечение их на военную службу обрекало их семьи на голодную смерть. Евреи бывали часто свидетелями жестоких публичных наказаний солдат (шпицрутены, прогон сквозь строй и т. п.).

Живя замкнутой жизнью, отрезанные от христианского населения непроницаемой стеной, евреи боялись оставлять насиженные места и уходить в далёкую и неведомую Россию, их страшила также необходимость питаться трeфной пищей¹⁶.

Но суровость этого закона постепенно усугублялась в отношении евреев.

В 1841 г. еврейский Комитет, то есть Комитет, ведающий делами о евреях, постановил разделить всех евреев на полезных и не полезных; первых совершенно освободить от воинской повинности, а со вторых брать рекрут в три раза больше против христиан. На это постановление Николай наложил резолюцию: «брать в пять раз больше»... Так как «полезных» евреев

¹⁴ Взятничество при Николае I было феноменальное и повальное, начиная с низов и кончая верхами. Царю это было хорошо известно, но этот всеильный деспот сознавал своё бессилие в борьбе с этим злом. Рассказывают, что, когда самое близкое к Николаю лицо, Клейнмихель, указывало ему на вопиющие злоупотребления высших представителей власти, он ответил: «Что, брат, будем делать? Я не беру взятки, ты не берёшь взятки, но разве мы вдвоём можем управлять Россией?» Ещё рассказывают, что, когда Николай посетил какой-то губернский город и после смотра войскам губернатор предложил ему посетить гражданские учреждения, Николай ответил: «зачем? Я их хорошо знаю по *Ревизору* Гоголя».

¹⁵ Вероятно, автор хотел сказать: «со дня на день», то есть без надёжного источника доходов.

¹⁶ Трефная пища – не кошерная, нечистая с религиозной точки зрения. Список пищевых запретов см.: Левит 11; Второзак. 14.

была небольшая горсточка дельцов, то фактически евреи вынуждены были давать рекрутов в несколько раз большем размере, чем христиане.

По уставу рекрутской повинности 1827 года, с христианского населения брали только в один из двух наборов по 7 рекрут с 1000 человек, а с евреев в каждый набор по 10 человек с 1000.

При недоимках податей стали брать с евреев натурой за каждые неуплаченные 1000 рублей по 1 рекруту.

Для устранения возможности недоимок ответственность за полноту набора была возложена на кагалы¹⁷, но за то как им, так и отдельным лицам было предоставлено право сдавать в рекруты взамен очередных людей беспаспортных или порочных. Из подонков еврейского общества образовался особый класс так называемых «ловчих», которые обманом, хитростью, а иногда грубой силой ловили людей, отнимали у них паспорта и за особое вознаграждение представляли в рекруты вместо очередных. В то же время в целях подготовки хороших солдат последовал указ о привлечении к воинской повинности малолетних евреев, которые отдавались в кантонийские школы¹⁸. Этот последний указ произвёл величайшую деморализацию. Дети буквально вырывались из объятий матерей, отправлялись в «губернию», а оттуда в далёкую Россию. Тысячи детей гибли по дороге от голода, холода и непосильных переходов, остальные до поступления в школы кантонистов отдавались на прокормление крестьянам в деревнях, где с ними обращались хуже, чем с домашними животными. Несколько улучшило их положение принятие христианства. Но эти измученные дети, слабые телом, но крепкие духом, мужественно переносили всякие мучения и редко отрекались от веры отцов^{19 20}.

Так как купцы освобождались от воинской повинности, то появились оригинальные «купцы»: бедняк меламед, которому удалось завербовать несколько детей состоятельных родителей, несчастный фактор²¹, состряпавший какое-нибудь выгодное дельце, отказывали себе и своей семье в самом необходимом и становились купцами 3-й гильдии. Менее счастливые для избежания воинской повинности выкалывали себе правый глаз, охотно подставляли руки под топор... Но кагал, на обязанности и ответственности которого лежало безнедоимочное пополнение набора, не дремал и посредством своих агентов «ловчих» покрывал недоимки беззащитными малолетними «пой-манниками». Среди еврейства развилась ужасающая деморализация.

¹⁷ Кагал – еврейский общинный совет, представлявший всю общину в отношениях с местной администрацией.

¹⁸ Правильно – «школы кантонистов». Так назывались солдатские дети, пожизненно приписанные к военному ведомству и обучавшиеся в особых школах. В дальнейшем их ждала служба либо унтер-офицерами, либо узкими специалистами при армии, от юристов до музыкантов. Система кантонистов была заимствована из Пруссии в 1805 г. и существовала до 1826 г. Как и система военных поселений, она была призвана создать замкнутое военное сословие, чтобы обеспечить армию постоянным резервом и в то же время избежать военного обучения крестьян, которое сделало бы крестьянские восстания крайне опасными.

¹⁹ Смори: Никитин – «Век пережить не поле перейти» (рассказ отставного солдата). Еврейская библиотека 1873 г., том IV; Оршанский – «История выключки». Еврейская библиотека 1878 г., том VI; Г. И. Богров. «Пойманник». Биль. Еврейская библиотека 1873 г., том IV.

²⁰ Такая ужасающая картина для России того времени не была чем-то исключительным. Известно, что едва ли половина новобранцев добиралась живыми до своих частей, так как отпущенный на них провиант присваивали сопровождавшие их офицеры. Уже во время Крымской войны «дело доходило до появления эпидемий голодного тифа, истреблявших полки, что было вызвано исключительно безудержным грабежом. Ни в одной абсолютистской державе в Европе того времени всё-таки подобных явлений в таких фантастических размерах не было: нигде не было такой безысходно тяжёлой обстановки солдатской службы, как в России» (Тарле 1940: 70, выделено в источнике). Как отмечали многие декабристы, уже сдача неблагонаправленных лиц в рекруты вместо очередников означала, что военная служба чуть ли не официально приравнивалась к наказанию. Особо много о подобных явлениях в России писали именно в связи с Крымской войной, показавшей, что никакой героизм солдат не может перевесить пороки тогдашней государственной и военной системы.

²¹ Фактор – так тогда называли маклеров или деловых посредников.

Глава 5

Еврейские казённые училища и отношение к ним различных слоёв еврейского населения

Вторую причину ненависти евреев к царю Николаю было всеобщее убеждение, что он стремится уничтожить еврейскую нацию и еврейскую религию и для достижения этой цели он задумал учредить казённые еврейские училища, которые должны служить этапом для принятия христианства. Ещё при Александре I для приобщения евреев к общеевропейской культуре было разрешено евреям поступать в государственные школы, как низшие, так и высшие. Николай подтвердил это.

Но евреи в государственные школы не шли: им там всё было чуждо, и люди, и язык, и предметы преподавания, которые в их глазах не имели никакой реальной ценности. С другой стороны, они очень дорожили своими национальными школами, хедерами и ешиботами²², на которых смотрели не только как на образовательные учреждения, но и как на религиозные. И вот в начале сороковых годов Министр Народного просвещения Уваров возымел идею учредить казённые еврейские училища²³, в которых рядом с еврейскими предметами обучали бы и общеевропейским. По мысли Уварова, эти школы должны были служить, между прочим, и этапом для перехода в средние и высшие государственные школы – гимназии и университеты. Одновременно с этим было решено учредить в главнейших еврейских центрах Вильне и Житомире раввинские училища для подготовки «казённых раввинов» и учителей для казённых еврейских училищ. Идея Уварова встретила полное сочувствие и одобрение государя. Эта идея вызвала восторг у лучших представителей еврейства в Западной Европе (берлинского проповедника Ауэрбаха, редактора «Zeit des Judentums» Филиппсона, учёного Леви и др.), она встретила также полное сочувствие со стороны «друзей нового просвещения». Дело в том, что, несмотря на мрак невежества, в котором было погружено русское еврейство, лучи света всё же проникали из Западной Европы, и в более крупных еврейских центрах образовались кружки, которые тайно от своих единоверцев на чердаках, в погребах и даже в отхожих местах занимались изучением предметов европейского образования.²⁴ Зато затея Уварова встретила определённо отрицательное отношение со стороны кагалов и в особенности со стороны широких масс.

Ближайшим помощником проведения своей идеи Уваров выбрал, и притом весьма удачно, известного еврейского учёного Лилиенталь. Общее убеждение было, что при устройстве казённых еврейских училищ как Уваров, так и Лилиенталь преследовали исключительно цели просвещения; что же касается Николая, то, по общему убеждению, он при учреждении казённых училищ преследовал цели прозелитизма. Иначе нельзя объяснить то усердие, то рвение, которые он в лице своих агентов проявлял к этому делу. Так, 22 июля 1842 года упомянутый д-р Лилиенталь, старший учитель Рижских еврейских училищ, получил от Министер-

²² Ешиба, иешиба (мн. ч. – ешибот) – высшее еврейское религиозное училище, готовившее выпускников к званию раввина.

²³ Казённые еврейские училища были созданы в 1847 г. по указу, подписанному Николаем I в 1844 г., в виде сети начальных школ и двух раввинских училищ в Вильно и Житомире. Помимо того, что они должны были служить орудием ассимиляции, возникала и другая серьёзная проблема. Выпускники этих школ оставались подчинены всем ограничениям, связанным с пребыванием в черте оседлости, а в рамках этой черты им негде было применить полученные светские знания. Таким образом, они ещё острее чувствовали своё неравноправное положение, о чём и говорили еврейские представители в Минске – М. Б. Слуцкий пишет об этом чуть дальше. Однако Ф. Кандель (1988: очерк XXIII.2) указывает, что власти смотрели на казённое просвещение как на средство борьбы с влиянием Талмуда, и отмечает как парадокс, что «правительство так жаждало обратить этот народ в православие, что предоставляло евреям такие привилегии, которых было лишено большинство христианского населения». При Александре II казённые еврейские училища были преобразованы в обычные начальные школы.

²⁴ М. Г. Моргулис. К истории образования русских евреев.

ства предложение объездить все крупные еврейские центры и везде пропагандировать идею способствования осуществлению воли царя (учреждению казённых училищ). При этом Лилиенталь получил из средств государства 600 руб. на путевые расходы. Ему было предложено всюду представляться гражданскому и учебному начальству, которому заранее давали знать о его приезде.

Прежде всего Лилиенталь отправился в Вильно²⁵. Здесь собралось 100 выборных для заслушания предложения Правительства. Этих выборных Лилиенталь так характеризует: «большие знатоки талмуда, они были вполне невежественны во всех прочих науках, исполнены предрассудков и суеверий и погружены в пучину дикого хасидизма». На сообщение Лилиенталья они откровенно заявили, что мало питают доверия к предприятию министра и с мрачным предчувствием заглядывают в будущее. Наконец один из членов собрания прямо поставил вопрос: не преследуют ли казённые школы цели прозелитизма. Лилиенталь должен был дать уклончивый ответ, но заверил честным словом, что немедленно уйдёт, когда заметит подобную тенденцию. Совершенно неожиданную оппозицию встретил Лилиенталь в Минске. Здесь он должен был выслушать такое заявление: «пока евреи пребывают в нынешнем бесправном положении, образование принесёт им одно несчастье: пока они прозябают во мраке невежества, они не так чувствуют, не так сознают своё бедственное положение, образование же им откроет глаза, и они поймут весь ужас своего унижения и бесправия». Лучший приём Лилиенталь встретил в Одессе и в особенности в Херсоне. Но широкие массы оставались в убеждении, что казённые школы открываются для совращения еврейских детей от их религии. И в этом убеждении их усердно поддерживали мелаеды, которые при учреждении казённых училищ переходили в ведение смотрителей, всячески их притеснявших и унижавших; помимо этого, чувство самосохранения подсказывало им, что казённые училища станут их опасными конкурентами.

Ещё одно обстоятельство укрепляло евреев в убеждении об опасности казённых училищ. Это одновременно изданный указ о насильственной стрижке пейсов и срывании традиционного еврейского наряда²⁶. Этот указ приводился в исполнение большею частью на улице на виду у всех и сопровождался издевательствами и грубым насилием. В такой атмосфере создались в России казённые еврейские училища.

²⁵ Вильно (Вильнюс), бывшая столица Великого княжества Литовского, был крупнейшим городом «черты оседлости», в котором евреям разрешалось проживать. Для российских евреев он стал своего рода «культурной столицей». Здесь же находились основные центры хасидизма.

²⁶ При Николае I был введён налог на шитьё, а в 1844 г. – и на ношение традиционной для российских евреев одежды, под предлогом того, что эта одежда «отталкивает евреев от всякого сообщения с христианами». С 1.01.1851 ношение еврейской одежды было полностью запрещено (Кандель 1988: очерк XXIII.1). Исполнение этого закона сопровождалось произволом низшего начальства и полиции. Генрих Гейне упоминал «те самые ножницы, которыми в Польше режут бороды у евреев» (Гейне 1959: 185).

Глава 6

Ограничение евреев в праве жительства

Третьей причиной ненависти евреев к Николаю были систематические ограничения евреев в праве жительства. Так, в 1829 году из черты оседлости²⁷ были исключены губерния Курляндская, в 1833 году губернии Астраханская и Кавказская²⁸ (тогда была одна губерния на Кавказе). В некоторых городах, как Вильно, Житомир и др., даже отдельные улицы стали запретными для евреев. Но самым страшным ударом для евреев был указ 1843 года об изгнании евреев из пятидесятивёрстной пограничной полосы, для Бессарабии запретная полоса была доведена до 100 вёрст. Сотни тысяч семейств были вырваны из насиженных мест и насильственно направлены на Восток, но не за пределы черты. Невольные переселенцы состояли в подавляющем числе из ремесленников, мелких торговцев, посредников, меламедов, и весь этот пролетариат, переселившись на новые места, должен был вступить в отчаянную борьбу с тамошними бедняками из-за куска хлеба. Впрочем, этот ужасный закон, встретивший крайнее осуждение за границей²⁹, никогда не приводился в исполнение полностью. Большую сенсацию произвело изгнание евреев из Киева³⁰. Имеются несомненные исторические данные, что уже в 15 веке в Киеве была еврейская община. В начале царствования Николая Киевская община, после Варшавской и Виленской, была самая значительная. Тогда в России были всего три типографии для печатания еврейских книг: одна в Варшаве для Царства Польского, другая в Вильне для Литвы и третья в Киеве для Украины и обширной Новороссии. На книгах, печатанных в Киеве, красовалась надпись: «Микиев ейце тора» (из Киева исходит Тора). И вот в один скверный день началось выселение евреев. В числе изгнанных был и мой дед по отцу, который поселился в Василькове. Киевские изгнанники рассеялись по всей «черте» и, естественно, пропагандировали ненависть к царю Николаю.

Таким образом, причин для вражды к Николаю было слишком много. Воспоминания о жестоком царствовании этого деспота долго жило в памяти русских евреев и служило темой для многочисленных литературных произведений.

²⁷ Черта оседлости – район, где российские власти допускали проживание евреев. Была введена в 1791 г. указом Екатерины II. Охватывала территории, доставшиеся России от Речи Посполитой, а также Новороссию (Северное Причерноморье). В этих пределах евреи имели право жить только в городах и местечках, кроме морских крепостей (Николаев, Севастополь и др.). Границы черты оседлости со временем несколько менялись, а правила проживания евреев в разных её частях были различны (в Бессарабии, в частности, они были мягче, чем в большинстве других губерний). Право жить вне черты оседлости еврей мог получить либо после крещения, либо при гораздо менее выполнимых условиях: купец 1-й гильдии, обладатель учёной степени, солдат, отслуживший полный 25-летний срок, и т. п. Черта оседлости рухнула в 1915 г., когда германское наступление вызвало огромную волну беженцев. Формально она была упразднена Временным правительством в марте 1917 г.

²⁸ Кавказской до 1847 г. называлась Ставропольская губерния.

²⁹ В частности, знаменитый английский банкир и политический деятель сэр Мозес Хаим Монтефиоре (1784–1885) в связи с этим указом впервые посетил Петербург. Он был милостиво принят Николаем I, искавшим в то время сближения с Англией, и попытался добиться от царя улучшений в положении российских евреев. Николай, однако, ограничился обещаниями, которые остались невыполненными.

³⁰ В апреле 1835 г. Николай I подписал «Положение о евреях», согласно которому им запрещалось селиться в Киеве, Севастополе и Николаеве.

Глава 7

Бердичевское казённое еврейское училище и события до 1862 года

Итак, я поступил в казённое еврейское училище. Здесь мне жилось хорошо. Я был в некотором роде персона грата, так как «начальство» рассчитывало, и не без основания, что моему примеру последуют дети других состоятельных фамилий. Учился я хорошо и переходил из класса в класс с «наградой первой степени», то есть с похвальным листом и книжкой, на переплёте которой золотыми буквами было напечатано: «За благонравие и отличные успехи в науках». Что значит «отличные успехи», я знал, но что такое «благонравие»? Это такое слово, что даже трудно выговорить. И мне объяснили.

Из событий этого времени в моей памяти запечатлелось одно – посещение нашего училища Попечителем Учебного Округа знаменитым Пироговым. Я так много слышал о нём и дома, и в училище, что рассчитывал увидеть какого-нибудь «сверхчеловека». К приезду высокого гостя готовились в училище. В один класс он должен был явиться на урок чистописания. Все ученики были снабжены тетрадями с несколькими прекрасно исписанными страницами, а на последней странице были написаны лишь несколько строк. Ученики должны были держать в руках гусиные перья (других тогда не было), намоченные в чернила, как будто продолжают писать. В моём классе учитель должен был присутствовать на уроке географии. По «программе» один ученик должен был нарисовать на доске карту Великобритании, а я должен был перечислить города Англии. И вот прибыл высокий гость и зашёл в наш класс. Я столько раз повторял свою роль, что, по предложению учителя, «отбарабанил» без передышки чуть ли не 20 важнейших городов Англии и победоносно посмотрел на гостя, но был крайне удивлён и обижен, когда увидел, что мой ответ далеко не произвёл ожидаемого впечатления. Гость лишь улыбнулся, потрепал меня по плечу и предложил мне сказать какую-нибудь басню, расспросил меня о значении этой басни и отдельных слов. С такими же вопросами обратился он и к другим ученикам. Таким образом, наивная хитрость наших педагогов оказалась бесцельной. Но, по-видимому, попечитель остался довольным; он послал нам – ученикам – несколько добрых пожеланий, а с учителями любезно попрощался³¹. Всё же я пришёл домой несколько разочарованным. Второй факт, запечатлевшийся в моей памяти, это появление, насколько припоминаю, в 1861 году, большой кометы³², вызвавшей сильную панику в народе. Одни утверждали, что это знамение, что скоро будет новая война, по своим размерам превосходящая недавно минувшую, другие говорили, что комета пройдёт мимо земли и своим огненным хвостом сожжёт всё живущее на ней. Дед осмеивал эти предрассудки и старался по мере возможности рассеять их.

Ещё одно событие имело место в то время, именно празднование в 1862 году тысячелетия России. Но, видимо, это торжество прошло в нашем городе настолько бледно, что не оставило значительных следов в моей памяти.

В том же 1862 году умер дед. После шумных похорон дом наш опустел. И хотя суровый старик никогда не проявлял по отношению ко мне особенно нежных чувств, тем не менее смерть это произвела на меня сильное впечатление, и я почувствовал себя осиротелым. Вскоре после смерти деда мать моя вместе со мной и старшей сестрой переехали в Бельцы, где проживала старшая замужняя сестра. Здесь на семейном совете решено было определить меня в

³¹ Н. И. Пирогов не терпел показухи и умел её разоблачать, но поддерживал талантливых педагогов. На эту тему есть несколько рассказов, один из них связан и с Кишинёвской гимназией (Тарнакин, Матей 2014: 78–79).

³² «Большая» (или «великая») комета 1861 года была видна невооружённым глазом в течение трёх месяцев и выглядела как звезда с несколькими хвостами, направленная вертикально вниз. Такое зрелище могло произвести даже более сильную панику, чем вид кометы 1811 года.

Кишинёвскую гимназию, тогда единственную не только в Кишиневе, но во всей Бессарабии и потому именовавшуюся Кишинёвской Областной гимназией³³, а директор, в ведении которого находились не только гимназия, но все остальные училища Бессарабской области, – именовался директор Кишинёвской Областной гимназии и училищ Бессарабской области. Дома считали, что я подготовлен в третий класс, но так как я совсем не учился по-французски, а в гимназии этот язык преподавали с первого класса, то меня на время отдали в частный пансион, где я приобрёл некоторые познания во французском языке.

К началу 1863–64 учебного года меня повезли в Кишинёв и повели на вступительный экзамен в гимназию, которая тогда помещалась в доме, где ныне находится Швейцарская гостиница³⁴. Я, конечно, захватил с собою все свои регалии, похвальные листы и награды, которые я получил в училище, и был крайне удивлён и обижен, что на них не обратили никакого внимания. По всем предметам я выдержал экзамен прекрасно, особенно по французскому языку, что, как увидим, причинило мне впоследствии много горя, и тем не менее суровый учитель русского языка Славинский признал меня подготовленным лишь во второй класс, куда я и был принят.

³³ До 1873 г. Бессарабия была не губернией, а областью. Это значило, что в её администрации учитывались не только общие для империи законы, но и местные особенности.

³⁴ Нынешний адрес этого дома – проспект Штефан чел Маре, 148, на углу проспекта, улицы Г. Бэнулеску-Бодони и центральной площади. С 1835 до 1874 г. на этом месте находились два здания, которые с 1846 по 1865 г. арендовала областная гимназия. Лишь в 1886–1903 гг. было построено собственное гимназическое здание, которое сейчас занимает Национальный музей истории (ул. 31 Августа, 127).

Глава 8

Кишинёвская гимназия и её директор К. П. Яновский

Итак, я гимназист. Меня обмундировали: купили форменную фуражку с красным околышем, заказали два сюртука, мундир и вицмундир. Первый однобортный черный сюртук с «золотыми» пуговицами, со стоячим красным воротником, с золотыми галунами, рукава оканчивались манжетами из красного сукна тоже с золотыми пуговицами, вицмундир – двубортный черный сюртук тоже с золотыми пуговицами, со стоячим красным воротником, но без галунов, а рукава без красных манжет. Определили меня на квартиру к тётке, которая жила в одном дворе с семьей своего племянника и моего кузена Э. В том же дворе жила семья брата супруги г. Э., а неподалеку от неё отец её. И я причинял много горя и стыда всем этим ортодоксальным родственникам и свойственникам, когда по субботам, вместо того чтобы со всеми евреями ходить в синагогу, я в своём ужасном мундире и со связкой книг под мышкой отправлялся в гимназию. Втихомолку передавали, что я даже пишу в субботу. Но *tempora mutantur et nos mutamur in illis*³⁵: прошло немного месяцев, ко мне привыкли, и я как близкий родственник стал своим человеком во всех этих ортодоксальных семьях. Охотно со мною любил беседовать старик Авраам Б., человек религиозный, но весьма толерантный. Я же особенно охотно беседовал с его матерью, тогда уже глубокой старухой, которая мне рассказывала про турка, показывала сохранившиеся у неё мелкие турецкие монеты-пары³⁶, а также рассказывала о существовавшей ещё при турке еврейской больнице, которую она посещала нередко, приходя на помощь призреваемым в ней.

У меня выплывают приятные воспоминания о дорогой гимназии. Пред моим умственным взором встают образы преподавателей, но все они покрыты лёгким туманом. Рельефно выступает образ незабвенного директора К. П. Яновского, так отчётливо, что если бы я владел кистью, то мог бы его нарисовать. Психологическая загадка: многих учителей, например, учителя латинского языка, я видал ежедневно в течение нескольких лет, Яновского же сравнительно редко, так как он часто отлучался поездками по области. Объяснение нахожу в том, что Яновский всегда производил на нас сильное впечатление и образ его так врезался в нашем мозгу, что нам нетрудно воспроизвести его. Это сильное впечатление вызывалось не страхом перед директором, но каким-то особым чувством, которые мы питали к нему и которое граничит с обожанием. Для характеристики светлой личности Кирилла Петровича приведу короткую выдержку из воспоминаний бывшего воспитанника его, известного публициста барона Икса (Герцо-Виноградского): «К. П. был нашим учителем, руководителем, просвещал нас не только светом науки, но и светом нравственности, стремясь сделать из нас людей. Главнейшей его задачей было развивать в нас лучшие человеческие инстинкты». Я готов подписаться под этими строками обеими руками. Режим в гимназии при Яновском был в высшей степени гуманный: позорные наказания предшествовавшей эпохи – розги, карцер, стояние на коленях – буквально отошли в область преданий. Об антисемитизме не было помину, наоборот, евреи составляли как бы привилегированную группу. Еврейских мальчиков, особенно бедняков, охотно принимали; их одежали, освобождали от платы за учение, снабжали даровыми учебниками. Из каких источников, не знаю наверно, но кажется, из сумм коробочного сбора³⁷.

³⁵ Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (латинское крылатое выражение, восходящее к Овидию).

³⁶ Парá – мелкая турецкая монета, выпускавшаяся с 1623 по 1942 г. Имела хождение и в Дунайских княжествах: до сих пор один из разговорных синонимов слова «деньги» у молдаван – *para*le (множественное число от «пара»). В 1770-е гг. пара приравнивалась к полутора русским копейкам, позже – до двух копеек.

³⁷ Коробочный сбор (*таксе*, идиш) – внутриобщинный налог, прежде всего на кошерное мясо. Доходы от него шли на погашение долгов еврейских общин перед государством, а остаток – на внутриобщинные нужды. Этот косвенный налог был весьма тяжёл, так как часто сдавался на откуп. Коробочный сбор был введён в еврейских общинах Речи Посполитой в XVII

Особенно усердствовал в этом отношении д-р Левентон, гимназический врач. Он откапывал бедных мальчиков, и когда ему удавалось определять их в гимназию, он испытывал то чувство удовлетворения, которое, вероятно, испытывает ревностный миссионер, когда ему удаётся привлечь кого-либо в лоно своей религии. Среди товарищей также совершенно не замечалось антисемитизма, и лучшим доказательством может служить тот факт, что в течение нескольких лет до окончания гимназии и после этого я был в самых дружеских отношениях с двумя христианами-товарищами – ныне покойным Константином Балтагой, сыном протоиерея Феодора Балтаги³⁸, и армянином Артуром Захарьяновым.

А какой был режим до Яновского? Для иллюстрации приведу выдержку из воспоминаний видного местного присяжного поверенного К. Д. Кирьяка: «В класс (второй) вошёл учитель арифметики Соломка, от него несло вином и табаком, и страшным голосом крикнул, обращаясь к ученикам: смотри, дьяволы (любимое его слово), съем как галушки». Маленький Кирьяк чем-то провинился. И учитель подошёл к нему, сильным ударом в спину свалил на пол, затем нагнулся и, взяв его за уши, стащил со скамейки, дотащил со середины класса и поставил на колени. От физического и нравственного потрясения мальчик заболел. А когда он выздоровел и нужно было посещать класс, он горькими слезами умолял отца не посылать его в гимназию. Но отец утешил мальчика тем, что он скоро перейдёт в третий класс, а там учителя добрее.

Во всём этом печальном эпизоде не столько важно, что грубый, пьяный учитель учинил такую дикую расправу над маленьким учеником, а гораздо важнее, что этот инцидент, видимо, был обычным явлением, ибо на него не реагировало ни начальство гимназии, ни даже родной отец, который нашёл достаточным успокоить мальчика³⁹.

Скажут: при Яновском было другое время, другое веяние. Но я должен заметить, что это гуманное веяние было именно веяние Яновского, ибо позже, в университете, мне нередко приходилось быть свидетелем, как мои товарищи студенты со скрежетом зубным говорили о гимназии. Я же, когда на каникулы приезжал в Кишинёв, то с увлечением бросался в родную гимназию, целовался с любимым директором и некоторыми учителями.

Считаю уместным сказать несколько слов к характеристике отдельных преподавателей. Большими симпатиями пользовался учитель словесности Лазарев. Он был нашим классным наставником с четвёртого класса, слыл за большого либерала и юдофила. В Совете он заявил, что ученики-евреи – украшение его класса. Но опять повторяю: *tempora mutantur*. Когда в 1870 году у нас был введён новый суд, он бросил учительство, стал присяжным поверенным и проявлял крайнее юдофобство и ретроградство. Любили мы также и учителя алгебры, физики и космографии. Но, как это часто бывает с хорошими русскими людьми, он был подвержен «рюмочке» и поэтому часто «заболевал»⁴⁰. Характер заболеваний был хорошо известен Янов-

в., сохранён в Российской империи и упразднён в 1917 г. вместе со всем законодательством о евреях.

³⁸ Феодор Балтага был настоятелем Свято-Ильинской церкви, находившейся близ нынешнего дома по ул. Г. Бэнулеску-Бодони, 26 (снесена в 1960-1961 гг.).

³⁹ Подобные «методы» педагогики ещё в XVIII – начале XIX в. были обычны. Ср. воспоминания о детстве Г. Р. Державина, А. Т. Болотова и даже будущих царей – Петра III и Николая I.

⁴⁰ Этим учителем был коллежский советник Дмитрий Осипович Белоусов (Памятная книжка Бессарабской области на 1862 год, с.258). Вот что пишет о нём в своих воспоминаниях граф С. Ю. Витте: «В Кишинёве мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинёва, мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинёв. В Кишинёве мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся крайне удивлен. [...] Этот учитель математики Белоусов был прекраснейший человек, но имел один порок – он пил. Так как напивался он довольно часто, то мы нередко бывали свидетелями сцен, происходивших между ним и его женой, которая также пила. Бывало, дня по 2–3 мы его совсем не видали, так как он в это время сидел у себя безвыходно в комнате и пил. Тем не менее занимались мы очень усердно и в это время у меня проявились большие способности к математике. Наконец, прошло 6 месяцев, и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимназии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного Совета (в то время, когда я сделался министром). Яновскому, который был тоже математик, мой учитель Белоусов сказал про меня, что я обладаю большими математическими способностями, вследствие чего Яновский уговорился со мной следующим образом: если, при самом строгом экзамене, я по

скому, но он смотрел сквозь пальцы. Чтобы мы не отставали, Яновский сам заменял его. Эти уроки были для нас истинным наслаждением. Физику преподавали в физическом кабинете, и уроки сопровождались опытами⁴¹. Особенно занимательными были уроки космографии. И если у меня до настоящего времени осталась любовь к науке о мироздании, то этим я обязан К. П. Были у нас и комические персонажи. Французский язык в низших классах преподавал добрейший старик Бален-де-Балю (единственно оставшийся при мне из состава учителей при основании гимназии). Я уже упомянул, что при вступительном экзамене он остался доволен моим ответом, и на этом основании он в течение двух лет, во втором и третьем классе, меня ни разу не вызывал и ставил в четвертных отметку 5; поэтому я переходил без экзамена. Когда же я перешёл в четвёртый класс, то на первый урок пришёл строгий и суровый учитель французского языка в высших классах Кемриц. Справившись по прошлогоднему журналу, он вызвал двух учеников, имевших постоянно отметку пять, – раба Божьего меня и товарища Артура В. Последний вырос в богатом доме, где были гувернантки и гувернёры, и он владел французским языком в совершенстве. Что же касается меня, то так как я без всякого труда получал пятёрки, то совершенно не занимался этим предметом и к переходу в четвёртый класс чуть не забыл читать. Вот Кемриц заговорил с В. по-французски и велел ему написать на доске перевод с учебника на одной половине доски, а другую предоставил мне. Настала моя очередь, и Кемриц заговорил со мною, другим предполагаемым французом. Но я ничего не понял и мог произнести одно слово «comment»⁴². Из этого comment Кемриц понял, что дело обстоит плохо, и уже по-русски предложил мне написать перевод. Я беспомощно стоял у доски, что-то писал и стирал и в результате получил единицу в первый и последний раз в жизни. Нетрудно представить себе, какое впечатление это событие произвело на меня. Был у нас в низших классах субъект ещё более комический, чем Бален-де-Балю, – это учитель немецкого языка Генский. На уроках он что-то говорил, что-то писал, а ученики бывали заняты своим делом: кто готовил урок по другому предмету, кто читал интересную книжку, кто рисовал, чаще всего портрет самого Генского. Вот он пишет что-то на доске. Вдруг комок разжёванной бумаги летит на доску. Генский, не оборачиваясь и не интересуясь узнать, кто виновник этой выходки, снимает комок и по адресу неизвестного говорит «дурак». Общий хохот. Через несколько минут на доску летит другой комок. Повторяется та же история, только по адресу неизвестного отпускается другое ругательство «болван». И так далее, пока не истощится чуть ли не весь арсенал ругательств.

Прежде чем кончить краткое повествование о гимназии, считаю нужным указать на следующий интересный факт. Гимназия была основана в 1832 году. Первыми учителями были большей частью иностранцы (чехи)⁴³. Был введён строжайший классицизм. На торжественных актах учителя говорили речи по-латыни; на уроках латинского языка учеников заставляли беседовать между собою по-латыни. После политических событий 1848 года классицизм был изгнан из гимназии, так как в нём видели причину всех «зол», разразившихся в Западной Европе. Почти через 20 лет, когда я учился при Министре графе Толстом, вновь был введён классицизм, в котором тогда усмотрели вернейшее средство для отвлечения юношеских умов от революционных идей.

Учился я в гимназии хорошо, переходил из класса в класс большей частью с похвальным листом. В мае 1869 года наступили окончательные экзамены. Из округа прислали темы для

всем математическим предметам, то есть по арифметике, геометрии, алгебре, физике, математической физике, метеорологии, физической географии, математической географии – одним словом, по всем физико-математическим предметам получу по пяти, то тогда он меня проведет и даст мне хороший аттестат и по другим предметам» (Витте 1923: 56–57).

⁴¹ Для закупки этих приборов, на которые Бессарабское дворянское собрание выделило 1000 рублей (по тем временам очень большая сумма), К. П. Яновский в 1858 г. лично ездил в Париж. Созданный им физический кабинет считался лучшим во всём Одесском учебном округе (Тарнакин, Матей 2014: 78).

⁴² Как? (франц.).

⁴³ Сведения о присутствии в Бессарабии чехов до 1880 г. другими источниками не подтверждаются.

сочинений. Всех тем не припомню, но две запечатлелись: одна гласила – «Жизнь пережить – не поле перейти», а другая – «на какой факультет намерен поступить и почему». И мы, мальчишки, поняли, что первая тема для людей, ещё не успевших вступить в жизнь, совершенно не подходит; и большая часть учеников, в том числе и я, писали на вторую тему. Я писал об огромном теоретическом интересе, который представляет ознакомление со строением и жизнью человека, действием лекарств, с сущностью болезней и т. п. Но ещё больший интерес я видел в практической возможности спасать людей от смерти, в крайнем случае, возможности облегчить людские страдания. Сочинение моё понравилось, и я окончил с серебряной медалью.

Глава 9

Отъезд из Кишинёва и вступление в университет

Прошли каникулы 1869 года, и в конце июля надо было готовиться к отъезду в университет. В Бессарабии тогда железных дорог не было, и ближайшей железнодорожной станцией был Тирасполь, куда нужно было ехать на почтовых. И вот три закадычных приятеля: Артур Захарьянов, Константин Балтага и я, решили выехать вместе, хотя я направлялся в Харьков на медицинский факультет, а первые двое – в Петербург, на юридический. Местом отъезда мы выбрали усадьбу Ильинской церкви, настоятелем которой был отец нашего товарища прот. Феодор Балтага. Не могу не сказать несколько слов об этом замечательном священнослужителе. В скромном домике, который он занимал, особенно в ещё более убогом флигельке, постоянно происходили собрания молодёжи обоего пола, сначала гимназистов, а потом студентов, и что удивительнее всего, постоянными участниками этих собраний бывали евреи. Занимались мы политикой, то есть читали сказку о трёх братьях и другие запрещённые книжки, которые не прятались, а лежали открыто на столе в более чем скромной гостиной. Старик Балтага брал эти книжки, просматривал их, клал обратно на стол, замечая лишь: «Э, чем занимаются!» Это был удивительный бесребренник. В качестве настоятеля церкви, учителя Закона Божия, сначала в гимназии, а потом в семинарии, он успел сколотить маленький капитал, который отдал своему родственнику В. Последний и не думал возратить, и когда дети приставали к отцу, чтоб он потребовал свои деньги, то старик разводил такую философию: «Если б он имел, то возвратил бы, а не возвращает, значит не имеет». Когда же дети стали настаивать, то старик вооружился храбростью и отправился к должнику. Когда он возвратился домой, то на вопрос детей ответил, что один из членов семьи В. заметил ему: «Батюшка, просим вас оставить нас». Это было рассказано вполне добродушно, и этим окончились попытки получить свои деньги. Особенно характеризует старика Балтагу следующий факт. Его дочь Маша окончила гимназию в 1871 году. Мы уж тогда были студентами и стали упрекать её, что стыдно молодой здоровой девушке сидеть на харчах у отца, ничего не делать и ждать жениха. И под нашим влиянием она объявила отцу, что решила ехать в Цюрих изучать медицину. Надо помнить, что во всей обширной России не было тогда ни одного высшего женского учебного заведения, что во всём Кишинёве не было примера, чтобы женщина, а тем более девушка, затеяла подобную вещь. Дело дошло до Преосвященного⁴⁴, который имел по этому поводу с протоиереем крупный разговор. Кончилось тем, что старик Балтага уступил, Маша поехала в Цюрих, а когда открылись высшие женские врачебные курсы в Петербурге, перевелась туда, окончила курс и была первой женщиной-врачом в Кишинёве. Итак, в назначенный день и час, мы, юные путешественники, и наши многочисленные родня собрались в усадьбе Ильинской церкви. Тут были представители и особенно представительницы трёх национальностей: армяне, родные Захарьянова, молдаване и албанцы, родственники Балтаги, и евреи, и между ними немало ортодоксов, мои родственники. Раздавались различные языки: турецкий (армяне), и молдавский, и еврейский. Сыпались благословения, пожелания и причитания. Проводы были многолюдные и весьма торжественные. Не сомневаюсь, что теперь проводы в Америку производят меньшее впечатление, как тогда наши проводы. И вот мы уселись в почтовую бричку и тронулись в путь.

На почтовых мы доехали до Днестра, через реку переехали на пароме, так как даже деревянного моста не было, и приехали в Тирасполь. Как ни слабы мы были в географии, всё же твердо знали, что путь на север не лежит на Одессу, но мы были молоды: старшему спутнику Захарьянову шёл двадцатый год, мне 19-й, а Балтаге лишь 18-й, так что по закону ему нельзя

⁴⁴ Кишинёвским архиепископом в то время, с 1871 по 1882 г., был Павел (Лебедев).

было поступить в университет по малолетству. И мы считали неудобным быть так близко от южной столицы и не заглянуть туда. Приехали мы в Одессу. Первым делом мы сочли нужным освободиться от бессарабских ковров, которыми почему-то все были снабжены. Мотив официальный – уменьшить багаж, перевозка которого дорого стоила, а действительный – увеличить наш оборотный капитал. В занятом нами номере гостиницы был устроен торг, в котором участвовали хозяин гостиницы и некоторые служащие, и вскоре наши ковры очутились в руках новых владельцев, не без выгоды для них. В Одессе мы провели 2 дня и отправились по железной дороге до Елисаветграда⁴⁵, а оттуда на перекладных до Кременчуга. Здесь мы расстались, Балтага и Захарьянов поплыли Днепром до Киева, а оттуда поехали дальше в Петербург, а я на почтовых в Полтаву и Харьков. И вот я очутился в чужом большом городе. К счастью, благодаря рекомендательным письмам к моим богатым родственникам, я вскоре прекрасно устроился.

Предстояли вступительные экзамены, так как последовало распоряжение, что все окончившие гимназию, даже медалисты, должны им подвергаться. Нам, будущим медикам, необходимо было держать экзамен по латыни, физике и географии. Что будущим медикам необходимо знать латынь и физику, мы понимали, но при чём тут география? Этого мы тогда не понимали и теперь не понимаем. Я выдержал хорошо по латыни, а по физике настолько хорошо, что экзаменовавший профессор поинтересовался узнать, какой я гимназии. Услышав, что кишинёвской, профессор глубокомысленно поморщил лоб и произнес: «Ки-ши-нёв. Это какой будет губернии?» Я заявил, что Бессарабской области. «А, Бессарабской области... это на Кавказе». Можно представить себе моё удивление. Теперь мы привыкли видеть профессоров на каждом шагу, а тогда они были большой редкостью, и считалось, что профессора – это почти сверхчеловеки. И вдруг я должен был объяснить, что Бессарабия очень далеко от Кавказа. Но вот настал самый страшный экзамен – по географии, которую я знал очень плохо, а вид экзаменатора – серо-желтый, мрачный, не внушал ничего утешительного. Я был ещё более обескуражен тем, что до меня экзаменовался окончивший также с медалью одну из южных гимназий и срезался. «Ну, какие Вы знаете города Харьковской губернии», – обратился ко мне экзаменатор. «Харьков, Валки...» – больше я не знал. А Валки я знал потому, что мы там меняли лошадей. «Как же вам не стыдно не знать городов родной губернии?» Я уже считал себя погибшим, но потому ли, что я имел весьма удовлетворительные отметки по другим предметам, или по другой причине, экзаменатор на моё заявление, что я из Бессарабии, предложил мне перечислить города Бессарабии. И я начал перечислять: Кишинёв, Оргеев, Бельцы, Бендеры – тут последовала заминка, но вскоре я продолжал: Дубоссары, Тирасполь⁴⁶. «Ну, будет с Вас», – сказал экзаменатор и поставил мне удовлетворительную отметку. Когда я отошёл и несколько пришел в себя, то стал размышлять, действительно ли Дубоссары в Бессарабии, не из соседней ли губернии позаимствовал я взятый наудачу город. Что же касается Тирасполя, то я твёрдо припомнил, что для того, чтобы попасть в Тирасполь, нужно было переправиться через Днестр, границу Бессарабии. И представление о профессоре у меня изменилось.

⁴⁵ С 1924 г. – Зиновьевск, с 1934 г. – Кирово, с 1939 г. – Кировоград, с 2016 г. – Кропивницкий.

⁴⁶ Дубоссары и Тирасполь в то время входили не в Бессарабию, а в Херсонскую губернию. Вместо них следовало назвать, кроме перечисленных выше городов, ещё Сороки, Хотин и Аккерман (ныне Белгород-Днестровский).

Глава 10

Харьковский университет

И вот я стал студентом медицинского факультета. Но предметы оказались такими неинтересными: зоология, и не высших животных, а каких-то червей, ботаника, минералогия, остеология (часть анатомии)⁴⁷ и т.п., к тому же профессор анатомии во время чтения лекции проделывал такие ужимки и гримасы, что я не мог удержаться и выскочил с хохотом из аудитории. А тут явился такой соблазн: рядом с университетом высилось громадное здание судебных установлений, где происходил новый гласный суд. Я заглянул туда и скоро так увлекся, что забыл всякую минералогию и целые дни и даже ночи просиживал на уголовных процессах, особенно когда обвинителем выступал тогда ещё молодой Кони. Вскоре я стал посещать лекции юридического факультета, особенно увлекаясь энциклопедией права, которую читал красноречивый Владимиров. Так продолжалось почти целый академический год. Лишь к концу года я отрезвился, вспомнил свои мечты о медицине и к началу следующего академического года вновь перешёл на медицинский факультет. Всё же часто заглядывал в суд и охотно слушал лекции выдающихся профессоров-юристов. На первом курсе медицинского факультета нас было около 30 человек (впоследствии число поступавших на медицинский факультет доходило до 200) – и им приходилось пользоваться тем же клиническим материалом, которым пользовались мы.

За исключением трёх манкировавших, остальные студенты усердно посещали аудитории, лаборатории, кабинеты, и мы знали, что манкировавшие были революционеры. Являясь изредка на лекции, они собирали пожертвования. Мы понимали, на что они собирают, но охотно давали по мере средств. Вскоре эти трое исчезли с горизонта, и нам стало известно, что двое из них сидят в Харьковской центральной тюрьме. Мы узнали потом, что эти двое ловко ушли из тюрьмы. Туда явились жандармы и предъявили начальнику тюрьмы приказ главного жандармского начальника о препровождении к нему арестованных студентов. Начальник тюрьмы сдал под расписку жандармов требуемых студентов. Вскоре обнаружилось, что и явившиеся жандармы, и предъявленное ими требование сфальсифицированы. Это, конечно, нам очень понравилось. В общем, харьковские студенты моего времени не были революционерами и не считали себя таковыми. Зато, начитавшись Тургенева («Отцы и дети»), большинство студентов считало себя нигилистами. Этот нигилизм выявлялся исключительно внешне: небрежный костюм, длинные волосы, обязательно плед через плечо и толстая дубинка⁴⁸ – вот неперенменные атрибуты нигилизма. Впрочем, нигилизмом щеголяли главным образом студенты-медики, естественники и филологи. Что касается юристов и математиков, то они тщательно отмежёвывались от нигилистов. Таким образом, всё студенчество делилось на две группы: плебеев-нигилистов и аристократов-антинигилистов. Для характеристики этих двух групп студентов позволю себе рассказать два курьёзных эпизода. Был у нас студент-медик М. Летом и зимою он носил один пиджак из лёгкой серой материи (вроде парусины) с огромным жирным пятном вокруг кармана. В таком костюме он явился на студенческий вечер и пригласил танцевать нарядную барышню. Барышня была дочь богатых родителей – отец владел обширным не то гидротерапевтическим заведением, не то просто баней. Барышня, осмотрев своего невзрачного кавалера, отвернулась и заявила, что не желает с ним танцевать. Тогда М. громко заявил: «Вы не хотите со мной танцевать, так я за то к вам в баню больше ходить не буду». Эта выходка вызвала смех, барышня сконфузилась и уехала с бала. А вот другой факт,

⁴⁷ Остеология – раздел анатомии, посвящённый костям.

⁴⁸ Так же описывали нигилистов и другие авторы воспоминаний. Что касается дубинки, то она, видимо, должна была напоминать об античных киниках (философах школы Диогена). Киники действительно ходили с дубинкой, напоминавшей о палице Геракла.

характеризующий поведение студентов-аристократов. Юрист К. подошёл к буфету и попросил рюмку коньяку. Нечаянно он пролил несколько капель на фартук продавщицы. «Ах, вы запачкали мой фартук, – сказала изящная продавщица, – с вас штраф один рубль». «Один рубль, – спросил студент, – что же стоит весь фартушок?» Продавщица не растерялась и ответила: «25 рублей». Студент заявил: «Фартушок за мной». Барышня сняла фартук и передала его студенту, а тот выложил 25 рублей, большую по тому времени сумму.

В общем, занятия не только на медицинском факультете, но, насколько помнится, и на других факультетах проходили мирно; особых эксцессов не припомню. В моей памяти сохранился лишь один эпизод. Какой-то петербургский профессор, кажется, химик, должен был отказаться от кафедры из-за столкновения со студентами, его назначили к нам. Кто-то провозгласил, что такого профессора допустить нельзя. И вот этот лозунг был подхвачен всеми студентами без различия факультетов, и в известный час, когда приезжий профессор должен был прийти на лекцию в главное здание, на лестнице выстроились в две шеренги студенты и встретили профессора невероятным свистом, стуком, шумом. Бедный профессор не мог дойти до второго этажа и вынужден был возвратиться назад, сопровождаемый ещё большим шумом и гамом. На другой день приезжий профессор оставил Харьков.

Состав профессоров на медицинском факультете был в большинстве скромный. Не было у нас таких знаменитостей, как петербургский Боткин или московский Захар[ь]ин; но все наши профессора были хорошими преподавателями: они не летали в высоких эмпиреях, были близки к студентам, знали их наперечёт и старались по мере сил руководить ими. Стоило студенту отсутствовать несколько дней, и профессор «участливо» спрашивал его: вы были нездоровы? Много лет позже, когда я уже был старшим врачом больницы и имел довольно значительную частную практику, мне приходилось сталкиваться со многими молодыми врачами, и я пришёл к твёрдому убеждению, что окончившие провинциальные университеты выходили с гораздо лучшей подготовкой, чем их коллеги из столичных университетов, блиставших именами профессоров – научных светил.

Впрочем, и у нас были выдающиеся учёные, как профессор физиологии Чулков, химии Бекетов и в особенности краса университета – знаменитый офтальмолог Гиршман.

Считаю уместным сказать несколько слов об этом редком человеке и враче. Гиршман был родом из Курляндии, но в раннем детстве переехал с родителями в Харьков, где окончил гимназию и медицинский факультет. Передавали, что, будучи ещё студентом высших курсов, Гиршман особенно интересовался глазными болезнями и часто высказывал убеждение, что многие больные, особенно из провинции, теряют драгоценнейший дар – зрение – благодаря неумелому лечению. В этом мнении заключалась горькая истина. Дело в том, что до моего поступления в университет (1869 г.) в Харьковском университете, равно как и в других университетах, не было специальной кафедры по глазным болезням. И эта важная отрасль была заброшенным отделом хирургии. Лекции по офтальмологии читались теоретически – без демонстрации больных, за отсутствием специальной клиники и, следовательно, клинического материала. Да и сама офтальмология тогда находилась в младенческом состоянии, так как врачу были доступны лишь наружная поверхность глаза и хрусталик. Естественно, что при таких условиях врачи выносили из университета весьма слабые и смутные познания по офтальмологии. И Гиршман решил посвятить свою жизнь этой отрасли медицины. По окончании университета он был командирован университетом за границу для усовершенствования и специально для изучения любимого предмета.

Обыкновенно такие командировки давались на год, много – два; Гиршман же провел за границей целых семь лет. Ибо он считал, и, надо сказать, вполне правильно, что специалист не может и не должен быть невеждой в других областях знаний (что, к сожалению, бывает очень часто). Совершенствуясь у корифеев офтальмологии – Грефе, Пагенштехера и Гельмгольца, он работал у знаменитого патологоанатома Вирхова, у не менее знаменитых физиологов Дюбуа-

Ремонда⁴⁹ и Брюкке, известных клиницистов Траубе и Опольцера, у математика Кинтера и других. И лишь после продолжительного искуса, обратившись большим запасом теоретических и практических знаний, молодой Гиршман возвратился в родной Харьков. Здесь после нескольких блестящих пробных лекций Гиршман получил приват-доцентуру по глазным болезням, и ради него была основана самостоятельная офтальмологическая клиника при медицинском факультете Харьковского университета (1868 г.). Ну ещё в бытность мою студентом (70–75-е годы) положение глазной клиники было весьма плачевным: специального помещения не было, глазные больные ютились в мезонине хирургического корпуса, в нескольких низеньких комнатах без достаточного света и воздуха, тут же приходилось оперировать. Специальных средств тоже не было, так как глазная клиника не значилась в бюджете. Но энергичный Гиршман умудрялся добывать средства из остатков сметных назначений по хирургическому отделению, в значительной мере вносил личные средства, и в общем больные содержались довольно прилично.

Скоро слава о молодом «добром» профессоре распространилась далеко за пределы Харькова; к Гиршману стали стекаться больные из разных мест, даже из далёкой Бессарабии. Слава Гиршмана распространилась и среди врачей. В 1869–70 гг., как известно, в большей части России было введено земство⁵⁰ и создан институт земских врачей. Сотни врачей рассеялись по глухим уголкам – местечкам и сёлам и стали работать среди народа.

«Участковый земский врач», почти всегда единственный в своём околотке, не мог уклоняться от лечения распространённых в народе глазных заболеваний и часто сознавал свою беспомощность. Поэтому масса врачей разных возрастов устремлялась к апостолу офтальмологии Гиршману. Вокруг него образовалась целая многолюдная школа, состоявшая из студентов и приезжих врачей. Оригинальную картину можно было видеть в клинике: рядом с молодёжью-студентами фигурировали врачи, убелённые сединой. И Гиршман, всегда доступный, доброжелательный, старался всеми силами выполнять добровольно взятую миссию – распространения среди своих многочисленных слушателей познаний по офтальмологии. Он привёз с собой из-за границы новый инструмент – офтальмоскоп (глазное зеркало), который давал возможность проникнуть в глубину глаза, видеть глазное дно, сосок зрительного нерва с его разветвлениями, кровеносные сосуды. Владея этим инструментом в совершенстве, он обучал своих учеников умению пользоваться им. При этом он объяснял, что ознакомление с глазным дном «сетчаткой» важно не только для правильного лечения глазных заболеваний, но для диагноза многих других, особенно мозговых заболеваний. Память у Гиршмана была феноменальная: приходит в клинику серый мужичок, который лечился у него два года тому назад, и Гиршман его сразу узнаёт. Ещё больше нас поражала его работоспособность. Его рабочий день начинался в 9 часов утра и с небольшими перерывами продолжался до 2 часов ночи, а иногда ещё позже, ибо он не уходил из кабинета, пока не принял последнего пациента. При этом он обнаруживал полное презрение к «презренному металлу». Его удивительная работоспособность сохранилась до глубокой старости, как я это узнавал от своих пациентов, лечившихся у него.

⁴⁹ Правильно – Дюбуа-Реймон. Впрочем, в дальнейшем тексте издания 1927 г. эта фамилия писалась несколькими разными способами.

⁵⁰ Земства – выборные сословные органы, созданные по указу Александра II от 1 января 1884 г. на губернском и уездном уровне. Выборы в них были организованы так, чтобы большинство «гласных» (депутатов) представляло интересы местного дворянства. Выборы проводились раз в три года. Земство включало земское собрание (созывавшееся ежегодно под председательством предводителя дворянства) и земскую управу как исполнительный орган. В сферу деятельности земств входили нужды местного развития: образование, медицина, страхование, почта, некоторые сферы экономики. В Бессарабии земство было создано в 1873 г., когда область была преобразована в губернию. До 1906 г. оно было довольно либеральным и много сделало для развития края. Но позже, когда помещики были напуганы Первой русской революцией и ростом национализма, бессарабское земство перешло на позиции державничества и стало едва ли не самым реакционным во всей России.

Пред моим умственным взором встаёт обаятельный образ этого «святого» человека⁵¹ (так его прозвали все, которым приходилось сталкиваться с ним). Небольшая хрупкая фигура с прекрасным одухотворенным бледно-матовым, типически семитским лицом, с какими-то особенными, необыкновенно ласковыми глазами, в которых светилась какая-то искра Божия, чёрными выющимися волосами и чёрной бородой. Вечно подвижный, спешащий, как будто боящийся потерять без пользы единую драгоценную минуту, он оставлял незабываемое впечатление.

Пред нами неоднократно возникал вопрос: каким образом в этом слабом на вид теле таится такой колоссальный запас неугасающей энергии? И много лет позже, после продолжительной врачебной деятельности, я нашёл объяснение этому феномену. Я думаю, что не только я, но и другие врачи констатировали тот факт, что люди с сильным духом лучше переносят хронические болезни, чем люди со слабым духом. Старое латинское изречение гласит: *Mens sana in corpore sano* (здоровый дух в здоровом теле). Но это изречение можно перефразировать таким образом: *sub mente sano corpus sanum* (мощь духовная побеждает физическую слабость). Имея обширную практику, будучи профессором и директором клиники, Гиршман этим не удовлетворялся, и можно смело сказать, что в Харькове не было ни одного доброго дела, ни одного полезного учреждения, в котором Гиршман не принимал активного участия. О его многочисленных научных трудах я не буду говорить, скажу лишь, что нет ни одного руководства по офтальмологии и физиологии, где бы не цитировались его ценные работы.

В 1893 году праздновали с необычайной торжественностью двадцатипятилетие его врачебной деятельности. Из многочисленных произнесённых речей я приведу лишь одну выдержку, но достаточно характерную: «ты сеял свет в буквальном и переносном смысле». В сентябре 1920 года я узнал из издающихся в Париже русских газет, что Гиршман жил в последние годы в нужде и умер на восемьдесят первом году жизни от... сыпного тифа. Он пал, таким образом, одной из многочисленных жертв большевистского режима⁵².

Ещё один крупный дефект был в моё время на медицинском факультете как Харьковского, так и других провинциальных университетов – это отсутствие специальной клиники и кафедры по душевным болезням. Психиатрия была «придатком» к частной патологии и терапии, теоретический курс которой читал угрюмый и малообразованный профессор Кремянский (тот самый, который экзаменовал нас при вступлении в университет по географии, и который, как уже раньше было сказано, проявил в ней «солидное познание»). Этот важный пробел большая часть студентов, в том числе и я, пополняли частыми поездками в центральную земскую психиатрическую лечебницу, находившуюся в 6–7 верстах от Харькова (Сабурова дача). Директор лечебницы радушно нас встречал и демонстрировал пред нами наиболее типичные случаи психических заболеваний.

Не могу удержаться, чтобы не передать циркулировавший при мне среди студентов следующий пикантный анекдот. Творцом русской психиатрии считается известный профессор Петербургской медико-хирургической академии Балинский. В психиатрии и криминалистике было распространено учение Ломброзо о наследственности и существовании рождения преступных типов. Балинский разделял этот взгляд и придавал большое значение в вырождении потомства значительной разнице в возрасте родителей. Балинский пользовал сына генерала, мальчика лет 6–7, у которого были налицо все признаки врождённого преступника – он лгал,

⁵¹ Ср. отрывок из письма А. П. Чехова к А. В. Суворину от 4 января 1898: «Здесь харьковский окулист Гиршман, известный филантроп, друг Кони, святой человек...»

⁵² Это довольно характерная ошибка, поскольку М. Б. Слуцкий имел возможность узнавать о положении в Советской России только из эмигрантских газет. Л. Л. Гиршман умер в Харькове 21 января 1921 г., дожив почти до 90 лет. Городская газета «Коммунист» отозвалась на его смерть некрологом, в котором, в частности, говорилось: «Великий интернационалист духа, никого не обидевший и никогда не солгавший» (<https://velykiukrainci.livejournal.com/30477.html>). Следует учесть и то, что прижизненные издания воспоминаний М. Б. Слуцкого были подцензурными.

воровал, мучил домашних животных. Отцу ребёнка в момент его рождения было около 60 лет, а матери 20. Белинскому удалось упросить мать мальчика, чтобы она «ради науки» разрешила демонстрировать ребенка на лекции об искусстве и, конечно, при соблюдении строжайшего инкогнито. И вот перед многолюдной аудиторией, состоявшей из врачей и студентов высших курсов, Балинский продемонстрировал мальчика, отмечая все его психические и физические дефекты, и указал предполагаемые причины вырождения ребенка. После окончания «блестящей лекции» Багинский подошёл к генеральше и благодарил её за то, что она в интересах науки согласилась исполнить его просьбу. «Да, – сказала она, – всё это хорошо, но дело в том, что мой муж не отец моего несчастного сына, а действительный отец его – молодой и здоровый адъютант». Конфуз!

Не было и специальной клиники по кожным и венерическим болезням, которые входили в курс общей хирургии, и мы пользовались громадным клиническим материалом по этим болезням в городской больнице.

Акушерским материалом мы пользовались в городском родильном приюте. На очереди всегда значились два студента, один четвёртого и другой пятого курса: «очередные» вызывались во всякое время дня и ночи при ожидаемых родах, причём студент четвёртого курса оставался в роли наблюдателя, а пятого курса принимал более активное участие.

Так компенсировали дефекты в научной постановке факультета.

Отрадное явление представляли две важнейшие клиники – терапевтическая (внутренние болезни) и хирургическая. Клинического материала было вполне достаточно – по 40 коек в каждой клинике, а так как студентов на четвёртом и пятом курсе было приблизительно столько же, то каждый студент имел постоянно в своем ведении (был «куратором») одного больного; между тем много лет позже число студентов высших курсов увеличилось в несколько раз, а число коек оставалось то же. Директором «внутренней» клиники был выдающийся ученик Боткина, к сожалению, рано умерший, Лашкевич. Несмотря на своё болезненное состояние, он работал неутомимо. Периодически каждый из нас демонстрировал и разбирал «своего» больного при всей аудитории, и профессор экзаменовал «куратора», что заставляло его быть настороже. Директором хирургической клиники был профессор Грубер – прекрасный оператор и хороший преподаватель. И, уходя из клиники, мы испытывали полное удовлетворение и сознание, что теоретические знания, приобретённые на третьем курсе, расширяются и освещаются наблюдениями в клинике. Всякий умерший в клинике подвергался вскрытию, при котором присутствовала значительная часть студентов и обязательно куратор с историей болезни в руках.

Покойный Вирхов ставил в упрёк врачам, что они испытывают удовольствие, когда оправдывается их диагноз, хотя бы он был смертным приговором для больного. И это совершеннейшая истина. Даже мы, студенты, лишь будущие врачи, испытывали удовлетворение, когда наш прижизненный диагноз, подтверждённый профессором, оправдывался на секционном столе. Но бывали и обратные случаи. В этих случаях корректный, но беспощадный профессор патологической анатомии Крылов иногда находил извинительные причины ошибочного диагноза, но подчас резко критиковал и осуждал неправильный диагноз. Это заставляло не только нас, кураторов, но и профессоров быть крайне осторожными в постановке диагноза; в сомнительных и затруднительных случаях диагноз ставился под вопросительным знаком.

При мне в хирургической клинике и родильном приюте был введён новый, открытый великим англичанином Листером (профессор в Эдинбурге и Лондоне) антисептический метод производства операций и последовательного лечения ран. Сущность учения Листера состоит в применении «антисептики», т.е. умерщвление или обезвреживание патогенных (болезнетворных) микробов посредством дезинфекционных веществ, главным образом карболовой кислоты, во всём, что приходит в соприкосновение с раной, – в воздухе, на руках хирурга и его помощников, на инструментах и перевязочном материале. Мне приходилось в высшей сте-

пени редко видеть те грозные, можно сказать, роковые осложнения ран и родильного процесса, как рожа, дифтерит, антонов огонь⁵³, общее заражение крови (пиемия, септицемия, родильная горячка, теперь носящие общее название бактериемии), которые бывали до Листера. Многие операции, особенно сопряженные со вскрытием полостей и считавшиеся запретом, стали достоянием хирургии.

Операции при мне производились таким образом: на некотором расстоянии от операционного стола находилось ведро с раствором карболки; служитель посредством большого пульверизатора пускал «шпре», то есть мельчайший дождь этого раствора, который орошал операционное поле, руки и инструменты оператора, перевязочный материал и проч. Однако эта «медаль» имела и оборотную сторону: хирургу приходилось работать иногда при нескольких последовательных операциях довольно продолжительное время, вдыхая воздух, пропитанный карболкой, что влекло за собою хроническое отравление и преждевременную смерть лучших мировых хирургов. И антисептика стала этапом к введению «асептики», то есть к применению идеальной чистоты во всём, что приходит в соприкосновение с раной – педантичной чистке рук хирурга и его помощников, «стерилизации» инструментов и перевязочного материала (очищение их перегретым паром). Асептика была введена у нас в больнице гораздо позже, когда я уже был главным врачом, и хирургическим отделением заведовал д-р Стратиевский.

Справедливость требует сказать, что задолго до Листера, в 1850 году, молодой малоизвестный немецкий врач Земмельвейс высказал смелую мысль, что хирургические больные и особенно родильницы отравляются врачами и студентами их грязными руками, инструментами, наконечником ирригатора и т.п. Но эта идея была встречена медицинским миром весьма враждебно: не хотели допустить, чтобы врачи могли убить своих пациентов. И нужен был высокий авторитет Листера, чтобы разрушить рутину. Впрочем, ещё при мне один известный хирург провинциального университета относился иронически к новому методу, который он рассматривал как «моду». «А ну, Иван, пужай бактерию», – говорил он в шуточном тоне служителю, приказывая ему пускать «шпре».

Так мирно и безмятежно протекли пять лет. Настал II семестр, – осень 1875 года, время окончательных экзаменов, которые прошли вполне благополучно.

В один прекрасный вечер в конце декабря мы были вызваны в университет. Декан Зарубин дал нам подписать «факультетское обещание», по которому мы обязались не выдавать семейных тайн наших пациентов, не поносить других врачей и т.д. И вручил нам временные свидетельства на звание врача. Он поздравил нас и послал нам лучшие пожелания в нашей будущей деятельности.

Что я чувствовал, когда с волнением принял диплом врача? Я испытывал чувство весьма сложное и неопределённое. С одной стороны, я сознавал, что в жизни моей произошёл перелом, что я уже не учащийся, а человек, получивший почётное и ответственное звание врача; с другой стороны, меня пугала неизвестная будущность. Дело в том, что, как я уже упомянул, с материальной стороны мне жилось в университете очень хорошо: я имел у богатых родственников хорошо оплачиваемые уроки, которые давали мне возможность не только жить удобно, но на каникулы ездить в первые годы моего студенчества в Кишинёв, а позже, по семейным обстоятельствам, за границу. Теперь этот источник доходов (уроки) прекратился; ибо не подобает врачу заниматься уроками. Нужно было думать о новых источниках – службе и частной практике...

Через несколько дней я выдержал экзамен на звание уездного (судебного) врача⁵⁴ и в начале января 1876 года поехал в Кишинёв.

⁵³ Антонов огонь – устаревшее название перитонита (воспаления брюшины).

⁵⁴ В обязанности официального уездного врача входила и судебно-медицинская экспертиза.

В дороге, которая продолжалась несколько дней и сопровождалась многими пересадками, я имел достаточно времени думать о будущем, но успокаивал себя мыслью, что частная практика наверное будет. Основывал я это предположение на том, что, когда я приезжал в Кишинёв на каникулы после перехода на второй и третий курс, то ко мне являлись больные с лёгкими заболеваниями, особенно часто приносили детей с детским поносом. И эти непрощенные пациенты бывали крайне удивлены, когда я отказывался их осматривать, заявляя, что я ещё не видал ни одного пациента и не могу взяться за лечение. Я бывал вынужден объяснить, что на первых курсах изучаются науки, которые служат лишь фундаментом для медицины. Для пациентов это было странное открытие, ибо, как показали дальнейшие беседы, даже у более интеллигентных людей существовало представление, что на первых курсах изучаются лёгкие заболевания, на следующих курсах более тяжёлые, а на пятом – самые ужасные болезни, как сыпной тиф, чума, холера и т.п.

Глава 11

Начало моей практики. Нравы кишинёвских врачей. Моя служба в Бендерском земстве

Приехал я в Кишинёв. Ныне приезд нового врача в Кишинёв проходит совершенно незаметно и, во всяком случае, не производит никакого впечатления ни на публику, ни на врачей. Совсем иначе было более пятидесяти лет тому назад. Приезд нового врача был целым событием. Я вспоминаю, что, будучи гимназистом, я играл с товарищами в мяч, но вдруг кто-то крикнул, что едет петербургский доктор (покойный Леви), и мы бросили игру и выбежали на улицу, чтобы посмотреть на петербургского доктора. Новоприбывший врач должен был проделывать целый церемониал. Прежде всего, он должен был представиться врачебному инспектору и предъявить ему свой диплом. Инспектор оповещал всех аптекарей о приезде нового врача, без чего они не имели права отпускать по его рецептам лекарства. Затем новоприбывший делал визиты всем врачам и аптекарям, хотя бы был с ними давно и близко знаком, и вскоре следовали контр-визиты. Объявление в газетах не помещали по той простой причине, что своей газеты в Кишинёве не было, а иногородние выписывались в ничтожном количестве; по всему городу расклеивались печатные объявления с указанием адреса новоприбывшего врача и часов приёма. Некоторые для пущей важности указывали в объявлениях, какой императорский университет они окончили, зная отлично, что все без исключения российские университеты именовались императорскими.

Должен констатировать, что отношение ко мне моих новых коллег было довольно доброжелательным, по крайней мере, внешне; но, за исключением небольшой группы врачей, составивших как бы союз для взаимного поддержания друг друга, отношения между врачами вообще были большей частью враждебные. Недоразумение между двумя старыми врачами Л. и Гр. закончилось даже дракой. Когда я приехал в Кишинёв, по городу ходили рассказы о пикантных конфликтах, бывших незадолго до того между врачами, героем которых был некий Кан., знающий врач, но зловерный товарищ. Этого Кан. пригласили к ребёнку, страдавшему летним детским поносом. Он осмотрел ребёнка, посмотрел на рецепт, прописанный до него доктором Б., и, ничего не говоря, попросил мать ребёнка, чтобы ему дали бумагу и перо. «Дай доктору бумагу, перо и чернила», – крикнула мать больного. «Чернил не надо», – заметил Кан. Все переглянулись, и всё же были поданы все принадлежности для писания. Но доктор взял кусок бумаги и, обмакнув перо в бутылочку с лекарством, написал рецепт. Дело в том, что Б. прописал ребёнку лекарство, куда входило полуторахлористое железо и танин. Оба эти средства отдельно рекомендуются при поносе, но при смешении их получаются чернила. Можно себе представить, какой эффект произвело в публике известие, что д-р Б. вместо лекарства прописал бутылочку чернил. Тот же Кан. сыграл с другим врачом В. ещё более коварную шутку. На Старом базаре, который тогда именовался Майдан⁵⁵

⁵⁵ Майдан – буквально «площадь»: персидское слово, перешедшее в турецкий язык, а из него – и в языки соседних с Османской империей народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.